

ИЗВѢСТІЯ

ПО

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемыхъ при журналѣ „Отдыхъ Христіанина“

(С.-Петербургъ, Обводный каналъ, д. № 116).

№№ 18 и 19. 1-го октября. 1906 г.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора Всемиловѣннѣйше соизволилъ въ 5 день минувшаго августа на награжденіе настоятеля Скорбященской, что за Литейнымъ Дворомъ, церкви въ Спб. протоіерея **Николая Георгіевскаго**, за 50-лѣтнюю отлично усердную службу его по духовному вѣдомству, золотымъ наперснымъ крестомъ, съ драгоцѣнными украшеніями, изъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Указомъ Св. Синода, отъ 26 августа 1906 г. за № 9265, при церкви Св. Петра Митрополита, что въ с. Улянкѣ, С.-Петербургскаго у., закрыты третья священническая и третья псаломщическая вакансіи.

Указомъ Св. Синода, отъ 7 сентября 1906 г. за № 9670, вдовѣ діакона с. Сосѣдна, Лужскаго у., Даріи **Щербачной** назначена пенсія изъ казны въ размѣрѣ пятидесяти (50 р.) руб. въ годъ со 2-го февраля 1906 г. изъ Лужскаго казначейства.

Указомъ Св. Синода, отъ 11 сентября 1906 г. за № 9765, вдовѣ священника Успенско-Островской церкви, Новолодожскаго у., Екатеринѣ **Добряковой** съ несовершеннолѣтнею дочерью **Марією** назначено изъ казны пособіе въ размѣрѣ *трехсотъ руб.* изъ Новолодожскаго казначейства.

Указомъ Св. Синода, отъ 18 сентября 1906 г. за № 9998, при домовою церкви, что въ Царскомъ Селѣ при благотворительномъ учрежденіи М. А. Дрожжиной, открыты священническая и псаломщическая вакансіи.

Указомъ Св. Синода, отъ 13 сентября 1906 г. за № 9847, въ причтѣ Дятлицкой церкви, Петергофскаго у., упразднена вторая псаломщическая вакансія, съ перечисленіемъ освобождающагося по упраздняемой вакансіи оклада жалованья, въ количествѣ 60 р., на открытую, по распоряженію Спб. Епархіальнаго начальства, діаконскую вакансію при той же церкви и съ назначеніемъ, сверхъ того, по сей вакансіи дополнительнаго содержанія, въ размѣрѣ пятидесяти руб. изъ казны по § 6 ст. 1 финансовой смѣты Святейшаго Синода.

Указомъ Св. Синода, отъ 7 сентября 1906 г. за № 9615, вдовѣ протоіерея Смоленско-кладбищенской церкви г. С.-Петербурга Маріи **Сперанской** съ шестью несовершеннолѣтними дѣтьми ея назначена пенсія изъ казны по сто (100 р.) въ годъ—съ 27 января 1906 года изъ Главнаго Казначейства.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Утверждены: 26 августа—потомственный почетный гражданинъ купецъ Н. Н. **Шиловъ**—старостою Гатчинской клад-

бищенской церкви; С.-Петербургскій купецъ **Димитрій Парфеновъ** — предсѣдателемъ Мартышкинскаго церковно-приходскаго попечительства, Петергофскаго уѣзда; коллежскій совѣтникъ **Константинъ Лейхтъ** — предсѣдателемъ попечительства при церкви на „Новыхъ мѣстахъ“ близъ ст. Лигово Балт. жел. дор.; 1 сентября — крест. **Константинъ Борманъ** — старостою къ Меррекульской церкви, приписной къ Нарвскому Преображенскому собору; крест. **Алексѣй Уткинъ** — старостою къ Гагринской церкви, Лужскаго у.; крест. **Григорій Барышевъ** — старостою къ Югостицкой церкви, того же у.; крест. **Иванъ Никитинъ** — старостою къ Бутковской церкви, Лужскаго у.; 28 августа — потом. поч. гражданинъ **Павель Ульриксонъ** — ктиторомъ церкви при дѣтскомъ приютѣ Великой Княгини Александры Николаевны въ Спб.; 6 сент. — діаконъ Нарвской Знаменской церкви **Николай Голубевъ** — законоучителемъ Нарвскаго женскаго 2-хъ класснаго училища; священникъ Нарвскаго собора **Александръ Фаворскій** — законоучителемъ второго Нарвскаго женскаго училища; 7 сентября — священникъ Петровскаго погоста, Лужскаго у., **Никита Моревъ** — законоучителемъ начальнаго училища въ имѣнии П. С. Андреева въ дер. Скрыблowo; начальникъ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода г.-м. Н. Г. **Байцуровъ** — предсѣдателемъ мѣстнаго приходскаго попечительства; 13 сентября — протоіерей Пашской церкви, Новолодожскаго у., **Константинъ Лебедевъ** и священникъ Лунгачской церкви, того же у., **Андрей Недровъ** — въ должности помощниковъ благочиннаго и членовъ благочинническаго совѣта 4-го округа, Новолодожскаго уѣзда; 8 сентября — священникъ Ктинской церкви, Гдовскаго у., **Александръ Смирновъ** — слѣдователемъ по 1-му благочинническому округу названнаго уѣзда; священникъ Спб. Скорбященской за Литейнымъ дворомъ церкви **Григорій Чебановъ** — слѣдователемъ 2-го столичнаго округа; священникъ Успенской церкви с. Копорья, Петергофскаго у., **Алексѣй Курочкинъ** — слѣдователемъ по Петергофскому благочинію; 10 сентября — свя-

щенникъ Павловской церкви въ с. Александровскомъ, Спб., уѣзда, Петръ **Пузановъ**—слѣдователемъ 1-го округа Петербургскаго уѣзда; 13 сентября — протоіерей Верольской церкви, Новолодожскаго у., Николай **Бѣлявинъ** — помощникомъ благочиннаго 2-го Новолодожскаго округа; 18 сентября—Гдовскій мѣщанинъ Михаилъ **Ипатовъ** — старостою Гдовской Аѳанасіевской церкви; 20 сентября—священникъ Островской церкви, Шлиссельбургскаго у., Михаилъ **Лебединскій** — законоучителемъ Масловскаго и Манушкинскаго училищъ; священники: Муринской церкви, Петербургскаго уѣзда, Александръ **Зарницкій** и Куйвозовской церкви, того же уѣзда, Адрианъ **Пуццело** — законоучителями земскихъ школъ,—первый—Ручьевской, второй—Куйвозовской, Лескеловской и Гарболовской; 21 сентября—священникъ Климентовской церкви г. Новой Ладogi Виссаріонъ **Воробьевъ** — помощникомъ благочиннаго 1-го округа Новолодожскаго у.; священникъ Лужскаго эстонскаго прихода Іоаннъ **Гаусвальтеръ**—предсѣдателемъ мѣстнаго эстонскаго приходскаго попечительства.

Опредѣлены: 30 августа — состоявшіе пѣвчими при церкви Императорскаго посольства въ Римѣ Павелъ **Сансъ** и Григорій **Сартовъ** и окончившій курсъ Казанской духовной семинаріи Алексѣй **Побѣдоносцевъ** — на вакансіи псаломщиковъ при названной церкви; 29 августа —окончившій курсъ Спб. духовной семинаріи Левъ **Наговскій**—къ церкви при училищѣ св. Елены въ Спб.; 1 сентября — дочь псаломщика Марія **Иванова** — просфорнею къ Кусягской церкви, Новолодожскаго у.; 4 сентября—окончившій курсъ Ал.-Невскаго духовнаго училища Василій **Лебедевъ** — и. д. псаломщика въ с. Васильково, Новолодожскаго уѣзда; 15 сентября — дочь діакона Ирина **Веселовская** — просфорнею къ церкви с. Кренищъ, Новолодожскаго у.; 20 сентября — крестьянская дѣвица Марія **Спиридонова**—просфорнею къ Заянской церкви, Гдовскаго у.; жена священника Боровинской церкви, Гдовскаго у., Вѣра **Троицкая**—просфорнею къ помянутой церкви;

22 сентября — вдова псаломщика Александра **Ужинская** — просфорней къ Гдовской Аѳанасіевской церкви; 16 сентября—псаломщикъ Феллинской, Рижской епархіи, Іоанно-Предтеченской церкви Іоаннъ **Тамманъ**—на вакансію эстонскаго священника въ с. Заянье, Гдовскаго у.

Назначены: 10 сентября — слѣдователь 1-го округа Петербургскаго у., протоіерей Григорій **Ковалевскій**—слѣдователемъ 1-го столичнаго округа; 18 сентября — іеродіаконъ Введенско-Островскаго монастыря **Серафимъ** — и. д. казначея названнаго монастыря; 9 сентября—священникъ Старопольской церкви, Гдовскаго у., Алексій **Абанумовъ** — на должность уѣзднаго наблюдателя церковныхъ школъ, Гдовскаго у., съ причисленіемъ его, по увольненіи отъ приходской службы, къ Гдовскому Димитріевскому собору.

Перемѣщены: 29 августа—протоіерей Спб. Малоохтенской Маріинской церкви Григорій **Ковалевскій**—на священническую вакансію къ С.-Петербургской Іоанно-Предтеченской Ямской церкви; настоятель С.-Петербургской Спасо-Преображенской, у Московской заставы, церкви протоіерей **Теодоръ Маловъ**—на настоятельскую вакансію къ церкви Спб. Малоохтенской Маріинской церкви; священникъ Прусинской церкви, Новоладожскаго у., Василій **Соколовъ** — къ церкви при благотворительномъ учрежденіи М. А. Дрожжиной въ г. Царскомъ Селѣ—съ 15 сентября текущаго года; священникъ с. Теофиловой пустыни, Лужскаго у., Александръ **Смирницкій**—къ Прусинской церкви, Новоладожскаго у., съ 15 сентября текущаго года; 30 августа—діаконы — Опольской церкви, Ябургскаго у., Василій **Вашневскій** и Кейкинской церкви, того же уѣзда, Петръ **Словцовъ** — одинъ на мѣсто другого; 4 сентября — псаломщикъ с. Василькова, Новоладожскаго у., Иванъ **Вишневскій**—къ Назійской церкви, Шлисельбургскаго уѣзда.

Награждены: 28 августа — священникъ церкви при Александровскомъ Институтѣ въ Спб. Георгій **Извъиновъ** — за отлично усердную службу — набедренникомъ.

Допущенъ къ исполненію псаломщическихъ обязанностей по вольному найму при церкви кадетскаго корпуса Императора Александра II и. об. псаломщика при церкви Общества ревнителей вѣры и милосердія на ст. „Сергіевская пустынь“ **Владиміръ Андреевъ**; 8 сентября — назначенъ, впредь до утвержденія въ должности, исполняющимъ обязанности псаломщика при церкви Казанской Божіей Матери, приписной къ Георгіевской кладбищенской церкви на Большой Охтѣ въ Спб., бывший воспитанникъ Спб. духовной семинаріи **Сергій Малининъ**.

Состоявшееся: 29 августа сего года распоряженіе о перемѣщеніи съ 15 сентября священника с. Теофиловой пустыни, Лужскаго у., Александра **Смирницкаго** къ Прусинской церкви, Новоладожскаго у., распоряженіемъ Его Высокопреосвященства отъ 13 сентября отмѣнено и священникъ Смирницкій оставленъ на прежнемъ мѣстѣ, въ Теофиловой пустыни.

Уволены: 16 августа — псаломщикъ Назійской церкви Шлиссельбургскаго у., Алексѣй **Травинъ**—за штатъ; 28 августа—псаломщикъ церкви при Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ въ Спб. **Николай Турбановъ**—за штатъ, согласно прошенію, по болѣзни; 1 сентября—просфорня Ктинской церкви, Гдовскаго у., **Марія Воскресенская**—отъ мѣста просфорни при названной церкви, согласно прошенію: 28 августа—личный поч. гражданинъ **Теодоръ Колотушкинъ** отъ—должности ктитора церкви при дѣтскомъ пріютѣ Вел. Кн. Александры Николаевны въ Спб., согласно прошенію, по болѣзни; 4 сентября—личный почетный гражданинъ **Прокопій Прохоровъ**—отъ должности старосты церкви при пріютѣ Господа нашего Іисуса Христа въ память отрока Василія, согласно прошенію; 18-го сентября—кр. **Андрей Ивановъ**—отъ должностей старосты при Моцкой церкви, Гдовскаго у., и предсѣдателя мѣстнаго приходскаго попечительства, согласно прошенію; іеромонахъ Введенско-Островскаго монастыря **Кириллъ** — отъ должности казначея мона-

стыря, согласно прошенію; 20 сентября — священническая вдова **Матрона Черняева** — отъ мѣста просфорни при Аванасіевской и Пятницкой церквахъ г. Гдова, согласно прошенію; вдова пономаря Евдокія **Щепецкая** — отъ мѣста просфорни при Доложской церкви, Гдовскаго у., согласно прошенію.

Уволены въ отпускъ: псаломщикъ церкви при Императорской миссіи въ Дрезденѣ **Павель Адамонтовъ** на 28 дней въ Россію; псаломщикъ Меложанской церкви, Лужскаго у., **Александръ Исаковъ** съ 20 августа по 2-е октября; послушникъ Троице-Сергіевой пустыни **Феодоръ Власовъ** съ 8 сентября впредь на два мѣсяца; священникъ Спб. Крестовоздвиженской, на Петербургской сторонѣ, церкви, **Петръ Фининовъ** — съ 15 сентября по 7 октября.

Умершіе: заштатный протоіерей Спб. Симеоновской, что въ Моховой ул., церкви **Евѣимій Голинскій** — 29 августа; священникъ **Михаило Архангельской** церкви, Новоладожскаго уѣзда, **Александръ Оливерскій** — 27 августа; послушница Староладожскаго Успенскаго женскаго монастыря **Марія Каплина** — 19 сентября.

1-я Экспедиція С.-Петербургской Духовной Консисторіи симъ даетъ знать духовенству С.-Петербургской епархіи, что, по сообщенію Подготовительной Комиссіи къ Съѣзду духовенства епархіи, кромѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію предстоящаго Съѣзда духовенства, напечатанныхъ въ №№ 11, 12, 13 и 14 „Извѣстій по С.-Петербургской епархіи“ за текущій годъ, означенному Съѣзду предстоитъ обсудить еще слѣдующіе предметы. А) Отъ Подготовительной Комиссіи къ Съѣзду духовенства епархіи. Окончательное рѣшеніе вопроса относительно раскладки на общепархіальныя нужды по церквамъ С.-Петербургской епархіи. Б) Отъ Правленія Александро-Невскаго духовнаго училища. О выдачѣ доктору Паховому, потерявшему зрѣніе,

за его 36-ти лѣтнюю службу въ училищѣ, ежегоднаго пособия въ размѣрѣ получаемаго имъ жалованія (600 руб.). В) Отъ Совѣта Исидоровскаго женскаго училища. Объ изысканіи средствъ въ пособіе къ уплатѣ взносовъ, причитающихся за содержаніе воспитанницъ училища отъ родителей, состоящихъ на штатной службѣ, если они по какимъ-либо причинамъ будутъ затрудняться уплатою установленнаго взноса. Г) Отчетъ по новому пансіону для учениковъ Александро-Невскаго духовнаго училища за 1905—1906 уч. годъ. Д) Ходатайство духовенства Олонецкой епархіи о предоставленіи подворьямъ сей епархіи, находящимся въ С.-Петербургѣ, права производить заборъ свѣчей, масла, ладана, церковнаго вина и пр. изъ Олонецкаго епархіальнаго свѣчнаго завода. Е) Два акта (№№ 3 и 4) благочинническаго съѣзда духовенства 2-го Ямбургскаго округа: 1) о томъ, чтобы въ члены Правленій и Совѣтовъ различныхъ епархіальныхъ учрежденій выбирались депутаты не только отъ столичнаго, а непременно и отъ сельскаго духовенства; 2) съ предложеніемъ на утвержденіе нижеслѣдующихъ правилъ, побуждающихъ причты быть исправными относительно явки на благочинническія собранія: а) Съѣздъ собирается по дѣламъ епархіи по распоряженію Епархіальнаго Начальства, а по дѣламъ благочинія— по распоряженію благочиннаго; б) мѣсто сбора Съѣзда выбирается самимъ Съездомъ по большинству голосовъ, безобидно-центральное, а день назначается благочиннымъ; в) явка на Съѣздъ и для причтовъ, и для старостъ обязательна; г) неявившіяся обязанъ представить на этотъ же Съѣздъ письменное или устное, чрезъ кого-либо, объясненіе, и отъ Съѣзда зависитъ принять неявку уважительной или нѣтъ, и въ послѣднемъ случаѣ со своимъ заключеніемъ представить на утвержденіе Епархіальнаго Начальства; д) старосты за счетъ церкви имѣютъ давать лошадей до мѣста Съѣзда—одну на двухъ членовъ причта; ж) цѣлыя причты и старосты и отдѣльно всякій членъ причта

имѣеть право входить на Съѣздъ съ письменнымъ докладомъ по личнымъ дѣламъ и по дѣламъ церкви и Съѣздъ обязанъ обсудить и дать такой или иной ходъ дѣлу; з) состоявшееся постановление Съѣзда представляется или на утверждение Епархіального Начальства, или чрезъ Консисторію на сужденіе Епархіального Съѣзда. Сентября 18 дня 1906 года.

Указъ Святѣйшаго Синода, отъ 16 августа 1906 года за № 8868, по возбужденному причтомъ одной изъ столичныхъ приходскихъ церквей ходатайству о разъясненіи недоумѣній по вопросу о составѣ церковно-приходскихъ Совѣтовъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшіи Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 23 іюня 1906 года за № 5918, по возбужденному причтомъ одной изъ столичныхъ приходскихъ церквей ходатайству о разъясненіи недоумѣній по вопросу о составѣ церковно-приходскихъ Совѣтовъ. Приказали: По пункту 2-му опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 18 ноября 1905 года за № 5900, припечатаннаго въ № 48 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1905 годъ, руководителемъ и предсѣдателемъ церковно-приходскаго Совѣта долженъ быть настоятель приходской церкви, а число избранныхъ членовъ Совѣта отъ мірянъ не должно превышать 12 лицъ; что же касается прочихъ членовъ, особенно въ многоклирныхъ городскихъ причтахъ, какъ то священниковъ, діаконовъ, псаломщиковъ, равно церковныхъ старость и двухъ представителей отъ прихода, каковыя лица, по должности своей, имѣютъ ближайшее и непосредственное отношеніе ко всѣмъ дѣламъ церковно-приходской жизни, то о нихъ нѣтъ никакихъ указаній въ помянутомъ Синодальномъ опредѣленіи. Въ виду сего, причтъ одной изъ

столичныхъ приходскихъ церквей возбудилъ предъ С.-Петербургскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ ходатайство о разъясненіи недоумѣній по вопросу о составѣ церковно-приходскихъ Совѣтовъ, каковое ходатайство Ваше Преосвященство представляете на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода. При этомъ Ваше Преосвященство, съ своей стороны, въ разрѣшеніе возбужденнаго вопроса приводите слѣдующія соображенія: 1) по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 18 ноября 1905 года за № 5900, церковно-приходскіе Совѣты образуются по избранію изъ состава общихъ церковно-приходскихъ собраній для ближайшаго осуществленія задачъ приходской жизни (п. 2). Задачи эти въ общихъ чертахъ указаны въ пунктѣ первомъ того же опредѣленія Святѣйшаго Синода и состоятъ въ тѣснѣйшемъ объединеніи прихожанъ съ пастыремъ, въ обсужденіи способовъ удовлетворенія нуждъ прихода въ религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ и благотворительномъ отношеніяхъ, въ возбужденіи въ прихожанахъ усердія къ храму Божію, къ дѣламъ и вопросамъ вѣры и въ содѣйствіи духовенству къ успѣшному выполненію лежащихъ на немъ пастырскихъ обязанностей. Такое широкое опредѣленіе задачъ общеприходскихъ собраній и выдѣляемыхъ изъ ихъ состава для осуществленія названныхъ задачъ церковно-приходскихъ Совѣтовъ приводитъ къ заключенію, что въ составъ сихъ Совѣтовъ, помимо настоятеля церкви, которому опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 18 ноября 1905 года за № 5900, предоставлено предсѣдательство въ названныхъ Совѣтахъ и руководительство ихъ дѣйствіями, должны входить не только всѣ приходскіе священники, но и вообще всѣ члены приходскихъ причтовъ, какъ ближайшіе по своему служебному положенію помощники священниковъ въ осуществленіи послѣдними своихъ пастырскихъ обязанностей. Всѣ священники въ приходѣ, сколько бы ихъ ни было, одинаково должны быть одушевлены заботами объ устроеніи приходской жизни, и каждый изъ

нихъ можетъ имѣть въ этомъ отношеніи свой весьма цѣнный пастырскій опытъ и необходимость участія каждаго изъ нихъ въ церковно-приходскомъ Совѣтѣ съ этой точки зрѣнія не можетъ быть оспариваема. Съ другой стороны, участіе діаконѡвъ и псаломщиковъ въ совершеніи богослуженій и требъ, въ веденіи внѣбогослужебныхъ бесѣдъ, преподаваніе въ церковно-приходскихъ школахъ діаконѡвъ, а по мѣстамъ и псаломщиковъ—ставить и этихъ членѡвъ клира въ положеніе очень близкое къ дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія прихожанъ и дѣлаетъ ихъ участіе въ церковно-приходскихъ Совѣтахъ, гдѣ будутъ обсуждаться мѣры лучшаго осуществленія религіозно-просвѣтительныхъ задачъ, необходимымъ. Такимъ образомъ, опредѣленіе Святѣйшаго Синода, отъ 18 ноября 1905 года, опредѣленно указывающее только на настоятелей церквей, какъ предсѣдателей и руководителей церковно-приходскихъ Совѣтовъ, не только не исключаетъ участія въ названныхъ Совѣтахъ остальныхъ членѡвъ приходскихъ причтовъ, но своимъ общимъ смысломъ прямо предполагаетъ таковое. Помимо всего изложеннаго, къ заключенію о непремѣнномъ участіи въ церковно-приходскихъ Совѣтахъ всѣхъ приходскихъ священнослужителей приводитъ и то обстоятельство, что учрежденіе названныхъ Совѣтовъ въ своемъ основаніи имѣетъ тѣ же стремленія, коими въ свое время вызвана была разработка Положенія о приходскихъ попечительствахъ, преслѣдующихъ въ существѣ дѣла тѣ самыя цѣли, которыя теперь въ болѣе широкомъ масштабѣ поставлены и для церковно-приходскихъ Совѣтовъ (пар. 1 и 5 Полож. о прих. попеч.). Въ приходскихъ же Попечительствахъ, по пар. 2 Полож. о нихъ, приходскіе священнослужители состоятъ непремѣнными ихъ членами. 2) Участіе церковныхъ старостъ въ церковно-приходскихъ Совѣтахъ, сверхъ 12 членѡвъ отъ мірянъ, также представляется дѣломъ естественнымъ и полезнымъ. Являясь по Инстр. (пар. 1) повѣреннымъ прихода для совмѣстнаго съ причтомъ при-

обрѣтенія, храненія и употребленія церковныхъ денегъ и всякаго церковнаго имущества, обязанный (пар. 22 INSTR. церковнымъ старостамъ) заботиться о благоустройствѣ храма, о всемъ необходимомъ для должнаго благолѣпія въ церковномъ богослуженіи, о пополненіи церковной библіотеки духовно-нравственными изданіями и пр., староста въ силу своихъ обязанностей не можетъ стоять внѣ связи съ церковно-приходскимъ Совѣтомъ, поскольку послѣдній призывается къ заботамъ вообще объ удовлетвореніи религіозныхъ нуждъ прихода и къ возбужденію въ прихожанахъ усердія къ храму Божию. Наконецъ, непосредственное вмѣствъ съ причтомъ знакомство старосты церковнаго съ состояніемъ денежной и хозяйственной части церкви во многихъ случаяхъ можетъ быть единственнымъ основаніемъ для рѣшенія разныхъ вопросовъ въ церковно-приходскихъ Совѣтахъ, каковы, напримѣръ, вопросы о школѣ, о приходской благотворительности и т. п. (пар. 38 INSTR. церковнымъ старостамъ). 3) Что касается, наконецъ, представителей, то, состоя членами церковно-приходскаго Совѣта, они, несомнѣнно, живѣе чувствовали бы свою связь съ интересами обще-приходской жизни и отвѣтственность за правильное и аккуратное исполненіе своихъ обязанностей. Выслушавъ изложенное и признавая указанные въ представленіи Вашего Преосвященства соображенія вполне правильными, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предоставить Вашему Преосвященству, въ разрѣшеніе встрѣченныхъ причтомъ одной изъ столичныхъ приходскихъ церквей недоумѣній по вопросу о составѣ церковно-приходскихъ Совѣтовъ, разъяснить, что въ составъ означенныхъ Совѣтовъ, кромѣ предсѣдателя и 12 членовъ изъ мірянъ, могутъ также входить въ качествѣ членовъ всѣ члены причта, церковный староста и два представителя отъ прихода. О чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ.

Вѣрно: столоначальникъ *Ив. Никольскій.*

Отъ Комитета Александрo-Невскаго Дома призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія С.-Петербургской епархіи.

I. Прошенія о приѣмѣ въ Александрo-Невскій Домъ призрѣнія подаются на имя Его Высокопреосвященства на простой бумагѣ. Въ прошеніяхъ прописывается а) сколько имѣетъ просительница отъ роду лѣтъ; б) кто у нея (если вдова) дѣти, какихъ лѣтъ и кто изъ нихъ гдѣ находится; в) также кто (у вдовы или сироты) ближайшіе родственники, и гдѣ, при какихъ мѣстахъ состоятъ; г) какія средства къ жизни имѣетъ просительница, именно: есть ли у нея имущество и какое, какими она пользуется пособіями: отъ Св. Синода, отъ Епархіальнаго Попечительства, отъ церквей и изъ другихъ источниковъ и д) помѣщается ли просительница въ собственномъ домѣ, или церковномъ, у родныхъ или на вольнонаемной квартирѣ, при чемъ въ прошеніи точно обозначается мѣсто жительства въ данное время.

II. Согласно Уставу Дома призрѣнія и въ устраненіе излишней переписки прошенія должны быть засвидѣтельствованы настоятелемъ той церкви, къ которой вдова или сирота приписана, или при которой проживаетъ, и непременно удостовѣрены мѣстнымъ благочиннымъ; вдовамъ и сиротамъ, просящимъ о принятіи въ Домъ призрѣнія по болѣзненному состоянію, необходимо прилагать къ прошенію, кромѣ того, свидѣтельство врача о болѣзни.

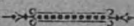
III. Въ Александрo-Невскій Домъ принимаются вдовы и сироты духовенства только Спб. епархіи, имѣющія не менѣе 60 лѣтъ. Ранѣе означеннаго возраста могутъ быть принимаемы только по увѣчью, или болѣзненному состоянію. Въ имѣющійся при Домѣ призрѣнія Пріютъ принимаются вдовы съ малолѣтними дѣтьми, которыя остаются въ домѣ до 10 лѣтняго возраста, по достиженіи котораго дѣти опредѣляются въ учебныя заведенія, а матери ихъ оставляютъ Домъ призрѣнія.

IV. Комитетъ Дома призрѣнія просить оо. Благочинныхъ и всѣхъ священно-церковно-служителей поставить въ извѣстность объ этомъ вдовъ и сиротъ духовенства, подающихъ прошенія о приѣмѣ для призрѣнія въ Александрo-Невскій Домъ.

V. И въ частности — просить оо. Благочинныхъ — въ случаяхъ необозначенія въ прошеніяхъ упомянутыхъ выше свѣдѣній просительницами, принять на себя трудъ пополнить въ своей удостовѣрительной надписи таковыя, не ограничиваясь краткою надписью: „Справедливость прописаннаго въ прошеніи удостовѣряю“.

Предсѣдатель Комитета, протоіерей *Димитрій*
Мегорскій.

Дѣлопроизводитель, діаконъ *Павелъ Орнатскій.*

Отдѣлъ неофициальный.

Священникъ о. Александръ Васильевичъ Оливетскій.

30 августа сего года въ Михайловскомъ погостѣ, Новоладожскаго уѣзда, при большомъ стеченіи народа состоялось погребеніе тѣла настоятеля мѣстной церкви священника о. Александра Оливетскаго, смерть котораго тяжело поразила всѣхъ его знавшихъ своею неожиданностью и трагической обстановкой.

Возвращаясь 26 августа изъ С.-Петербурга домой съ поѣздомъ СПБ.-Вологодской желѣзной дороги, о. Александръ передъ ст. Званка“, гдѣ ему нужно было выходить, упалъ съ площадки вагона и былъ раздавленъ на смерть. Хотя катастрофа съ о. Александромъ произошла около 11 час. дня, но, по странному стеченію обстоятельствъ, никто изъ бывшихъ въ поѣздѣ паденія его не замѣтилъ, и поѣздъ продолжалъ идти дальше. Тѣло его съ раздавленной грудью и правой рукой было замѣчено рабочими дороги и только 28 августа доставлено для погребенія въ село Михаила Архангела.

Покойному о. Александру было только 38 лѣтъ. Послѣ него остались жена и пятеро дѣтей, изъ которыхъ старшей дочери 14, а младшей 1 годъ.

Въ лицѣ о. Александра духовенство уѣзда лишилось одного изъ самыхъ даровитыхъ и дѣятельныхъ пастырей. Сынъ бѣднаго сельскаго псаломщика Тверской епархіи, покойный, по окончаніи Тверской духовной семинаріи со званіемъ студента, въ теченіе 2-хъ лѣтъ служилъ учителемъ въ Верховинской и затѣмъ Петропавловской церковно-приходскихъ школахъ, Новоладожскаго уѣзда, а въ 1891 г. былъ опредѣленъ священникомъ къ церкви села Михаила Архангела, гдѣ и служилъ до своей внезапной кончины. Съ особенною любовью и ревностью о. Александръ отдавался дѣлу просвѣщенія народнаго. Въ первые же годы его служенія приходъ покрылся цѣлою сѣтью церковныхъ школъ, матеріальное обезпеченіе которыхъ доставляло ему постоянно много хлопотъ. Впослѣдствіи, состоя въ должности окружного наблюдателя церковно-приходскихъ школъ, члена училищнаго совѣта, члена Совѣта Николаевскаго Братства и помощника благочиннаго, покойный всюду вносилъ своимъ участіемъ много ума, энергіи и опытности. Въ частной жизни своей всегда строго воздержный и скромный, добрый и отзывчивый, онъ невольно вызывалъ къ себѣ всеобщія симпатіи и уваженіе. Поступивъ въ небогатый Михаило-Архангельскій приходъ, онъ никогда и не помышлялъ искать лучшаго въ матеріальномъ отношеніи прихода, порѣшивъ служить здѣсь до конца дней своихъ, желая, какъ онъ выражался, „сложить здѣсь свои кости“.

И желаніе его сбылось и такъ неожиданно, скоро.

Въ переполненномъ народомъ храмѣ заупокойную литургію и отпѣваніе совершали семь священниковъ при четырехъ діаконахъ во главѣ съ помощникомъ Благочиннаго священникомъ о. Васи́ліемъ Каменскимъ. Въ концѣ отпѣванія священникъ Сергій Бѣляевъ въ прочувствованномъ словѣ очертилъ симпатичную личность и плодотворную дѣятельность почившаго пастыря. Съ горячими слезами и нелицемѣрнымъ „надгробнымъ рыданіемъ“ проводили о. Александра къ мѣсту погребенія, близъ алтаря храма, въ которомъ прослужилъ покойный почти 15 лѣтъ.

„Да будетъ воля Твоя“, невольно повторяютъ уста надъ этой свѣжей могилой.

С. Б.

Нѣсколько словъ по поводу будущей раскладки сборовъ съ церковныхъ доходовъ по С.-Петербургской епархіи.

Просматривая отчетъ Петербургскаго съѣзда духовенства мы обратили особенное вниманіе на обсужденіе съѣздомъ раскладки сборовъ 1902 года. Съѣздъ замѣтилъ, что эта раскладка была произведена неправильно въ процентномъ отношеніи къ валовому доходу; такъ съ однѣхъ церквей брали 20⁰/₀, съ другихъ 12⁰/₀, 11⁰/₀, 10⁰/₀ и даже 9¹/₂⁰/₀. Признавая такой сборъ несправедливымъ, съѣздъ большинствомъ голосовъ постановилъ: 1) не всѣ статьи дохода обла-

гать сборомъ въ одинаковой степени, но такъ, чтобы кружечный и кошельковый сборъ и чистая свѣчная прибыль были обложены сборомъ вдвое менѣе, противъ всѣхъ остальныхъ статей дохода, и 2) суммы отъ арендныхъ статей обложить сборомъ въ 70% (Изв. СПб. епарх. №19, 1905 г. стр. 6).

Намъ кажется, что и такая раскладка сборовъ опять будетъ непригодна на практикѣ: во 1-хъ, что въ ней опредѣленный сборъ будетъ поступать только съ арендныхъ статей, которая болѣе или менѣе постоянны, а во 2-хъ опредѣленный % съ доходовъ остальныхъ статей установить трудно, такъ какъ кружечно-кошельковый сборъ и чистая свѣчная прибыль весьма неустойчивы, что извѣстно на примѣрахъ: въ только что построенной церкви продажа свѣчей и кружечно-кошельковый сборъ высоки, но потомъ начинаютъ падать и чрезъ нѣкоторое время церковь оказывается не въ состояніи платить сборъ установленный по первоначальному ея доходу (см. указъ СПб. дух. консисторіи отъ 16 сент. 1903 г. за № 5465 о сложеніи сборовъ съ церковью Петропавловской и Сергіевской, что на Новосивковской ул., въ С.-Петербурѣ).

Въ послѣднее время встрѣчается въ печати духовной проэктъ такого сбора съ церковныхъ доходовъ брать % не со всѣхъ статей доходовъ, а только съ свѣчной прибыли и не по продажѣ свѣчей, а при покупкѣ въ церкви пуда свѣчей изъ епархіального склада, каковая сумма потомъ и распредѣляется по статьямъ расхода (Руководство для сельскихъ пастырей 1905 г. № 37, стр. 59).

Попытаемся примѣнить этотъ проэктъ къ нашей епархіи. Въ отчетѣ С.-Петербургскаго епархіального свѣчнаго завода за 1903-й годъ приведены слѣдующія данныя о продажѣ свѣчей (беремъ въ тысячахъ) въ пудахъ: въ 1895 г.—19 тыс., въ 1896 г.—20¹/₂ тыс., въ

1897 г.—21 тыс., въ 1898 г.—22 тыс., въ 1899 г.—23 тыс., въ 1900 г.—23½ тыс., въ 1901 г.—24½ тыс., въ 1902 г.—25 тыс., и въ 1903 г.—26½ тыс.; сборовъ свѣчъ по раскладкѣ 1902 г. требуется 250250 руб. 53 коп. Если возьмемъ въ среднемъ ежегодную продажу восковыхъ свѣчей въ 25 тыс. пудовъ, то для пополненія сборовъ придется прибавить къ цѣнѣ за пудъ свѣчей 10 руб., т. е. вмѣсто 32 руб. за пудъ бѣлыхъ восковыхъ свѣчей (которыхъ идетъ самое большое количество) продавать по 42 руб. Такимъ образомъ всѣ остальные статьи доходовъ будутъ освобождены отъ сборовъ, да и еще порядочная свѣчная прибыль будетъ находиться въ распоряженіи церковей. Конечно, съ повышеніемъ общей суммы сборовъ можетъ быть повышена и цѣна на каждый пудъ сообразно съ продажей. Такая раскладка была бы, по нашему мнѣнію, самая уступчивая и самая безобидная. Наконецъ, всѣ сборы епархіи могутъ быть оплачены восковыми огарками. Изъ того же отчета видно, что въ 1903 г. поступило огарковъ 13,750 пуд. на сумму 303,736 руб. Возьмемъ въ среднемъ поступленіе огарковъ 10 тыс. пудовъ, что по 26 руб. за пудъ дастъ — 260 тыс. руб. Всѣ доходы, за исключеніемъ огарковъ, будутъ находиться въ распоряженіи церкви и не только хватить на покрытіе текущихъ расходовъ, но останется нѣкоторая сумма на ремонты церкви и церковныхъ домовъ, на что при настоящемъ положеніи вещей, особенно въ сельскихъ церквахъ, приходится обращаться къ помощи прихожанъ и затруднять ихъ и безъ того тяжелое матеріальное положеніе.

Священникъ *Модестъ Чижевскій.*

Отецъ Георгій.

(Очерки одной жизни).

(Продолженіе).

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна...

М. Лермонтовъ.

* * *

„...Весна у насъ прошла. Майскіе дни становятся душными и знойными. Но, всетаки, хорошо у насъ: прошла весна и начинается лѣто, милое, жаркое, веселое лѣто. Приѣзжай скорѣй! Мы всѣ ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ. Особенно — Леня и Алеша. Они весь день толкуютъ, что ты скоро приѣдешь, привезешь имъ ружья, и они будутъ ходить на охоту — въ наши сады. Алеша отыскалъ въ саду дерево и увѣряетъ, что „на немъ можно жить, какъ у индѣйцевъ“. Да и я сильно соскучилась по тебѣ, мой миленькій братишка! Скорѣй оканчивай экзамены и приѣзжай. Будемъ ѣздить въ степь. Ты попрежнему станешь рассказывать намъ, о чемъ шумитъ трава. Помнишь, какъ въ прошломъ году? Поѣдемъ на озеро удить рыбу. Только приѣзжай скорѣй! Твоя сестра Женя“.

Кожинъ дочиталъ письмо и задумался.

Былъ вечеръ, и въ надвигающихся сумеркахъ то совершенно темныхъ, то съ какими-то проблесками Алексѣю чудились образы.

Онъ видѣлъ предъ своими глазами отчетливо и ясно роскошное лѣто. Въ дуплѣ еще сохранялись

аккорды промелькнувшей весны, свѣжесть, просторъ, тонкое благоуханіе, а вотъ уже предъ очами лѣто. Словно сгустилась весна въ своихъ явленіяхъ, и эти сгустки, молодые, полные жизни, разбросаны теперь на каждомъ шагу... Шумить далекое поле высокою травою, и въ шумѣ томъ чудится, что любо вольному вѣтру, несясь по степи, ворваться въ самую гущу травы, пройти по ея крѣпкимъ, упругимъ стеблямъ, давая своей силѣ возможность столкнуться съ другою силою...

А когда надвинется надъ степью огромная черная туча и торопливо пробѣжитъ по ней легкой холодной вѣтерокъ, иное чудится въ шуршаніи степной травы! Чудится, что на молодья силы надвинулась сила вражья, и онѣ готовятся—молодыя и бодрья къ борьбѣ съ нею. Шуршитъ трава, торопливо подъ налетами вѣтра наклоняясь въ разныя стороны. И въ шумѣ томъ заговоръ общій, и вѣсть о врагѣ, и дрожанье предъ неиспытанной опасностью... А когда уйдетъ туча и по широкой степи заблеститъ весело солнце, трава шепчетъ тихо-тихо, слегка задѣвая одинъ за другой росистые стебельки свои, шепчетъ объ ушедшемъ далеко горѣ, о счастья побѣднаго момента, объ обновленныхъ силахъ...

...Въ ночную пору, когда на небѣ нѣтъ луны и только кое-гдѣ мерцають звѣздочки, хорошо въ старомъ запущенномъ лѣсу надъ озеромъ. Не видно темной глади воды, надъ всѣмъ озеромъ стоитъ что-то неопредѣленно черное... Нѣтъ береговъ, нѣтъ отдѣльныхъ деревьевъ, все темно. И небо темное,

лишь кое-гдѣ горятъ на немъ огоньки. Но въ этой темнотѣ не страшно, въ ней нѣтъ тяжелыхъ и мрачныхъ призраковъ осени... Въ ней тихая поэзія спящаго лѣса, молчанье ночной вѣлны на озерѣ, томная нѣга въ широкомъ пространствѣ подъ заснувшимъ небомъ. Въ лѣтнюю тихую ночь хорошо въ темномъ запущенномъ лѣсу...

Кожинъ любилъ лѣто, любилъ природу. И теперь, въ вечернихъ сумеркахъ, картины лѣта вставляли предъ нимъ ясныя и отчетливыя... Но вдругъ въ сознаніи его промелькнула мысль... Образы какъ то отодвинулись назадъ, будто потускнѣли... И онъ тяжело-тяжело вздохнулъ...

...Это произошло съ нимъ недавно. Произошло не сразу, а постепенно. Онъ самъ замѣчалъ эту постепенность. Но, все же, когда результатъ обнаружился ясно, онъ поразился. И на сердцѣ стало то скливо, какъ при прощаніи съ дорогимъ существомъ, пусто, и, въ то же время, появилось желаніе заполнить обнаруживающуюся пустоту.

Съ прошлаго года онъ началъ читать „серьезныя“ книги. Началъ читать сначала потому, что возрастъ былъ такой, когда принято садиться за серьезное чтеніе. Потомъ книги заинтересовали его, онъ сталъ чувствовать, что въ нихъ для него открывается новое, неизвѣданное, заманчивое. Постепенно онъ увлекся ими... И вотъ въ немъ стала происходить перемѣна: дѣтство—съ дѣтскими думами и чувствами—словно отодвинулось отъ него, а взамѣнъ его приблизилось новое. Что именно новое, онъ не могъ

опредѣлить точно и ясно. Въ его умѣ, не отвыкшемъ еще мыслить конкретно, такое состояніе представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Онъ—въ неопредѣленномъ туманномъ пространствѣ. И впередъ и назадъ, и въ высь и въ глубь ничего не видно. Онъ стоитъ съ мыслью отыскать здѣсь дорогу. Только-что пришедшій отъ дѣтства, онъ еще не чувствовалъ—страстно и неудержимо—потребности найти дорогу. Но смутное сознаніе говорило ему, что, близко или далеко, эта потребность—страстная, неудержимая, подогрѣваемая отчаяніемъ придетъ къ нему. И онъ старался подготовиться къ этой порѣ, старался читать и думать... А пора эта съ каждой думой надвигалась все ближе и ближе. И онъ чувствовалъ по временамъ, что нѣтъ ему теперь никакого дѣла до окружающаго, что неважно оно, что нужно только думать, думать и думать...

Но порою, среди задумчивости, къ нему возвращались картины покидаемаго дѣтства. Возвращались свѣтлыя и родныя, въ какой-то чарующей грусти, и отъ этого невыразимо печально билось сердце... Возвращались онѣ, и своимъ тихимъ тономъ оставливали на время, новыя думы и новыя чувства. И порой являлось желаніе—навѣки остаться съ милымъ незадумывающимся дѣтствомъ... Потомъ эти возвращенія случались не такъ часто, но чувствовались также сильно. И отъ этого на душѣ было безпокойно, и смутно чувствовался въ ней глубокой скрытый разладъ...

Письмо сестры напомнило ему дѣтство. Но какъ

тонкій-тонкій ядъ сквозь задумчивую музыку воспоминаній промелькнула иная далекая, но властная мелодія. Мелодія безпокойныхъ сомнѣній, тумана и бездорожья, страстнаго исканья...

Это было во время лѣтнихъ вакацій.

Однажды въ ясный юньскій день Кожины всей семьей отправились въ лѣсъ—на озеро. Взяли удочки, провизію, палатку. Озеро въ старомъ лѣсу было любимымъ мѣстомъ Кожиныхъ. Оно тянулось длинное, но не широкое. Старыя корявыя вербы переплетались вверху и образовывали надъ озеромъ сплошной зеленый шатерь. На зеленомъ фонѣ древесной крыши просвѣчивалось небо, и въ свѣтлый солнечный полдень, во время катанья на лодкѣ, казалось, что на водѣ были вышиты узоры—по зеленому полю свѣтлые небесные цвѣты. Надъ озеромъ всегда стояла тишина: толстыя вербы рѣдко скрипѣли своими исполинскими стволами, а шумъ верхушекъ ихъ не долеталъ до воды,—онъ шелъ по верху, по слабо колыхаемымъ вѣткамъ, къ далекому полю... Кругомъ не было травы, а лежалъ ровными бѣлыми рядами песокъ. Отъ берега онъ шелъ въ озеро, и глубоко—глубоко, въ ясный лѣтній день, когда солнечный лучъ проникалъ въ темноту воды, онъ сверкалъ тамъ своею яркою бѣлизною. Дали въ лѣсу стояли большія: виднѣлись широкіе стволы вербъ, темно-зеленая листва, и гдѣ то далеко-далеко широкое поле... Кругомъ было тихо и таинственно...

Когда на западѣ огненнымъ шаромъ догорало юньское солнце, Кожины пріѣхали на озеро. Боль-

шіе занялись отыскиваніемъ мѣста для стана, а дѣти, съ удочками, отправились ловить рыбу. Мѣстность была хорошо знакома, и скоро молодежь сидѣла на песчаномъ уступѣ, стѣной поднимавшемся надъ озеромъ, и сосредоточенно удила.

Леня и Алеша скоро поймали по рыбкѣ и, насадивъ червяка, закинули снова. Они сидѣли рядомъ, недалеко расположились Женя и Гора.

— О чемъ задумался, Гора? нагнулась къ уху брата Женя.

— А?...— очнулся тотъ...— Ни о чемъ... такъ...

— Смотри лучше за удочкой: у тебя клевала...

Онъ приподнялъ удочку. Надъ водой засеребрилась рыбка — маленькая и изгибающаяся. Онъ машинально опустилъ опять удочку въ воду.

— Гора, тyani! чего жъ ты! — громко, страшно волнуясь, зашепталь Алеша.

Кожинъ потянулъ удочку, снялъ рыбку, бросилъ въ ведро, надѣлъ новаго червяка и опять забросилъ удочку въ воду.

— Женя,—позваль онъ тихо сестру.— Мнѣ надоѣло это, я пойду пройдуся по лѣсу.

— Иди,—сказала она... — Погоди, впрочемъ, я тоже пойду съ тобой, хотя мнѣ ничуть не надоѣло...

Она встала, воткнула глубоко удочки въ песокъ и крикнула тихонько маленькимъ братьямъ:

— Мы — сейчасъ! Если хотите, пойдѣте съ нами — погуляемъ.

Но тѣ не слышали ее: они всецѣло погрузились въ несложную милую поэзію рыбной ловли. Братъ

и сестра пошли отъ озера въ глубь лѣса. По сторонамъ уже прятались ночныя тѣни, наверху—сквозь вѣтви—смотрѣло темное вечернее небо. Въ воздухѣ холодало.

— А скажи: о чемъ сейчасъ думаетъ лѣсъ, будущей господинъ поэтъ? — шутливо обратилась къ брату Женя.

— Онъ не думаетъ,—серьезно сказалъ тотъ,—думаемъ только мы... Знаешь, что сейчасъ я думаю?

И онъ началъ рассказывать ей свои думы. Онъ говорилъ ей о своихъ сомнѣнiяхъ, о Богѣ, правдѣ, жизни... Сестра, гимназистка выпускного класса, слушала его внимательно...

И когда онъ кончилъ, на обратномъ пути къ озеру, — она сказала съ печалью и задумчивостью: — Какой ты ужъ умный, Гора! а вотъ я — такъ совсѣмъ глупая!..

А надъ самымъ озеромъ, въ двухъ мѣстахъ, ужъ ярко пылали костры: одинъ у стана, другой у маленькихъ Лени и Алеши. Алеша смотрѣлъ въ ведро съ рыбой, Леня сматывалъ лески.

Гора и Женя близко подошли къ ведру съ рыбой.

— Много поймали? — тихо спросила Женя.

— Три сазанчика да одну щуку!.. — радостно крикнулъ Алеша, засматривая въ лицо сестры... — А ты чего такая хирурая?.. — и ты, Гора... поругались, значить... Щуку вамъ дамъ — помиритесь?

Женя бросилась цѣловать маленькаго брата...

Когда, послѣ ужина, всѣ легли спать—женщины

съ маленькими дѣтьми — въ палаткѣ, мужчины — на коврахъ подѣ открытымъ небомъ, Кожинъ долгое время не могъ заснуть. Уходившее дѣтство, быть можетъ въ послѣдній разъ, властно звало его къ себѣ. Никогда не чувствовалъ онъ такой прелести вокругъ себя — и въ природѣ, и въ окружающихъ людяхъ, какъ теперь. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда онъ и не переживалъ такого стремленія къ новымъ думамъ. И никогда въ душѣ его не было такого глубокаго, глубокаго разлада... А вотъ еще, точно нѣжно золотое облачко, безмятежно наплываетъ новое воспоминаніе изъ дѣтства.

— ...Тихое іюньское утро. Небо свѣтло-голубое съ мягкими тонами. Кожинъ только что напилсь чаю. Гора прямо изъ за стола направился въ садъ, — что раскинулся, и такъ прихотливо, около дома. Садъ былъ небольшой — съ старыми грушевыми деревьями.

Гора долго лежалъ тамъ, обвѣянный тихими и робкими, трепетными мечтами... Онѣ уносили его въ какую-то новую жизнь, которая такъ мало была похожа на окружающую... И онъ съ блаженствомъ отдавался мечтамъ... Потомъ всталъ съ земли, отряхнулся... И прежде чѣмъ уйти домой, онъ долгимъ задумчивымъ взглядомъ посмотрѣлъ на старый садъ.. въ душѣ чувствовалось, что настоящій моментъ — важный. Чувствовалось, что давнишній разладъ словно разрѣшается чѣмъ то... Онъ даже сознавалъ, чѣмъ именно. Новая чужая сила брала верхъ, дѣтство уходило навсегда...

Вотъ онъ предъ глазами — старый, съ дѣтства

знакомый садъ. Старыя груши, одѣтыя густою листовою и желтѣющими плодами, стоятъ молчаливо—задумчиво. Молчитъ высокая трава, никогда не выпалываемая здѣсь. Молчитъ выходящій въ садъ древній каменный балконъ Петровскаго дома. Все молчитъ, словно о чемъ то задумавшись, словно что-то вспоминая. На мгновенье садъ будто затронулъ душу Горы... Но когда онъ пошелъ изъ сада, отъ всего этого у него остался только смутный, туманный слѣдъ. Ушедшее дѣтство теперь было окружено словно рамкой. Онъ стоитъ у этой рамки и смотреть въ нее. И предъ нимъ переливается заключенное въ ней дѣтство, переливается яркими красками лѣтнихъ пышныхъ полдней, пахучею зеленью грушеваго сада, беззаботнымъ весельемъ, счастьемъ...

* * *

Другой эпизодъ произошелъ нѣсколько лѣтъ спустя.

...Свѣтлымъ юньскимъ вечеромъ онъ ѣхалъ на пароходѣ. Пассажировъ было немного: нѣсколько казаковъ, возвращавшихся домой со службы, двѣ торговки, съ большими корзинами, полными вишенъ, странникъ въ широкой шляпѣ и монашескомъ подрясникѣ, и онъ. Со стороны казаковъ, не прерываясь, слышалась негромкая своеобразная казачья пѣсня. Торговки закусывали и говорили о цѣнѣ на вишню. Странникъ сидѣлъ рядомъ съ Кожинымъ на одной скамейкѣ. Онъ ѣхалъ на пароходѣ недавно—съ послѣдней остановки. Когда онъ вошелъ на па-

роходъ и сѣлъ около, тотъ не обратилъ на него особеннаго вниманія: странникъ былъ, на первый взглядъ, самый обыкновенный, какихъ много бродить по широкой Руси, съ котомкой за спиною и, палкой въ рукахъ... Но вотъ пароходъ отвалилъ отъ пристани, и, оставляя за кормой огромные, — съ бѣлыми вершушками — валы, отправился далѣе, мимо зеленыхъ береговъ. Странникъ снялъ шляпу и перекрестился:

— Слава Богу!..

Въ тонѣ этихъ словъ не было привычки, съ которой обычно произносятся подобныя фразы: слова шли отъ сердца и были полны смысла. Самая фраза была произнесена какъ то раздѣльно: „слава... Богу“...

Кожинъ обернулся къ страннику. Тотъ сидѣлъ лицомъ къ рѣкѣ и смотрѣлъ въ даль. Кожинъ увидѣлъ его сѣдую длинную бороду, густыя брови и сѣрые большіе глаза... Въ жизни иногда бываютъ такія встрѣчи, когда въ памяти не запечатлѣвается — точно и ясно — лицо, но на душѣ остается общее глубокое впечатлѣніе. Такъ было тогда съ Кожинымъ. Онъ не помнилъ впоследствии — ни выраженія глазъ странника, ни лица его, но помнилъ ясно то впечатлѣніе, какое произвелъ на него весь странникъ... Словно на душу повѣяло чѣмъ то роднымъ, любовнымъ... Словно вспомнилось дорогое, далекое... Такъ порою — въ далекомъ путешествіи, увидишь бѣдное заброшенное село съ ветхою деревянною церковью на окраинѣ, съ потемнѣвшими отъ времени и погоды крестами кладбища, пріютившагося

около церкви, — и вспомнишь далекую родину. Вспомнишь ушедшіе невозвратно дни, былыя надежды, упованія. Вспомнишь то, что въ душѣ стоитъ вѣчно свѣтлымъ и прекраснымъ... И падетъ на душу тихая печаль, и слеза навернется на очи и въ глубокомъ скорбномъ томленьи скажешь:

— А было все то... И нѣтъ теперь...

...Когда Кожинъ смотрѣлъ на странника, тотъ любовался вечеромъ. И было видно, что онъ любовался имъ весь: казалось, выраженіемъ своего лица онъ слился съ окружающими тихими далями, надвигающимися вечерними тѣнями, глубокомъ прозрачнымъ небомъ...

Кожина потянуло къ нему.

— Далеко идете? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, недалеко: село Подольховское.

— А откуда?

— Теперь изъ Іерусалима. Ёду на родину — провѣдать. Давно ужъ не былъ...

Вечеръ росъ. Уже вдали, на водѣ, лѣсъ отбросилъ отъ себя совершенно черную тѣнь. Тамъ, гдѣ садилось солнце, догорала заря. По небу шли рѣдкія волнистыя облака... Казаки допѣвали свои пѣсни, и ихъ степныя мелодіи — не скорые и сердечные переходы, какъ радость, не печальные, какъ глубокая осенняя ночь, не разгульные — подобные огню и вдохновенію молодости, а тоскливыя и думныя, словно степныя потухающіе огоньки, гасли постепенно въ вечерней тишинѣ. Берега темнѣли, и отъ

нихъ доносило на пароходъ свѣжесть луговъ и кваканье лягушекъ.

Кожинъ попросилъ странника рассказать что-нибудь ему о себѣ. Тотъ немного подумалъ и вымолвилъ:

— И, милый мой! Если хочешь, всю жизнь расскажу тебѣ. Моя исторія любопытная...

— Ты, можетъ быть, не повѣришь теперь, что когда-то я кончилъ университетъ... Кончилъ, кончилъ, родимый! По медицинскому факультету... Семья у насъ была богатая, отецъ всѣхъ дѣтей училъ. Только изъ нихъ всѣхъ выжилъ я одинъ... Да... Но не къ счастью попалъ я въ университетъ. Отецъ то думалъ: окончу я, получу мѣсто и буду служить—какъ всѣ... А нѣтъ—нѣтъ, натура у меня вышла какая то особенная, на другихъ не похожая. Еще въ гимназiи — въ послѣднiе годы находило на меня *сомнѣнiе*. Почиталъ книгъ, самъ размышляю, и вотъ—не знаю: есть ли Богъ, да зачѣмъ мы всѣ живемъ, да какъ лучше жить? Усумнился я во всемъ этомъ, родной мой, и потерялъ покой: ищу, ищу, думаю, думаю — нѣтъ ничего. Въ книги посмотрю: однѣ такъ говорятъ, другiя иначе... Просто голова кругомъ пошла. Товарищи мои—тоже сомнѣвались—смѣются бывало надо мной: „чего“, говорятъ, „думаешь—все равно ничего не придумаешь. Видишь, какъ мы: все знаемъ и не мучимся“. А они изъ книгъ говорили, что ничего нѣтъ—ни Бога, ни другого мiра, ни загробной жизни... Я указываю имъ другiя книги: смотрите, здѣсь говорится, что все это

есть... Не слушали они меня, смѣялись... Потомъ они вышли знатными людьми и всё повѣрили въ Бога. Неглубоко это сомнѣніе было у нихъ. А я все метался, все искалъ. Особенно, когда въ университетъ поступилъ. Тутъ на меня находило прямо отчаяніе. Разъ совсѣмъ подъ поѣздъ бросился, да стрѣлочникъ оттащилъ... Да... Кончаю университетъ—способности у меня были хорошія, такъ что учиться мнѣ совсѣмъ нетрудно было,—а самъ, какъ сумасшедшій: глаза широко раскрыты и смотрять дико, самъ — весь ушелъ въ себя, ни на кого не смотрю. А нужно сказать, что тогда я былъ хворый да квелый. Ну, и боялся смерти. И смерти то не столько боялся, сколько опасался за то, что напередъ смерти ничего не узнаю... Да... Страшное было время!.. И вотъ разъ нашла на меня такая тоска, что не вынесъ я... Было это на вторую осень послѣ университета. Жилъ я у отца. Домъ у насъ былъ просторный и моя комната находилась въ сторонѣ — въ садъ выходила. Наступила ночь. И подошло *это* ко мнѣ... И рѣшилъ я тутъ, милый мой, въ тоскѣ неисходной: уйти куда-нибудь, гдѣ-бъ никто не мѣшалъ и думать, думать, пока не надумалъ бы. На утро ушелъ я изъ дому. Ушелъ рано, только зоря прогорѣла. Отцу оставилъ записку, чтобъ не искалъ меня: потому хуже было-бы... И пошелъ я... И-и, сколько мѣстъ потомъ исходилъ я! На первыхъ порахъ былъ въ лѣсу—думалъ. И нужно тебѣ сказать, что взялъ я съ собою только евангеліе. Потому и прежде оно мнѣ умнѣе всѣхъ книгъ казалось. Да было и то

соображеніе, что всѣ почти люди уважали его... Не помню хорошо я самъ себя на первыхъ порахъ. Словно въ изступленіи былъ... Потомъ началъ я понимать — немножко, немножко... Знаешь, иногда во снѣ приснится что-нибудь нехорошее, а затѣмъ проснешься — не сразу, а постепенно — и видишь, что сонъ страшный прошелъ, а вмѣсто него — утро благодатное... Вотъ и я такъ началъ просыпаться. Тутъ евангеліе помогло и — природа. Помню, разъ вечеромъ читалъ я про нагорную бесѣду. И крѣпко зашла мнѣ въ душу любовь Христова. Съ мыслью о любви и заснулъ я. Проснулся — было утро — свѣтлое, майское. Небо глубокое да синее, трава густая да зеленая, а межъ ней цвѣты разными красками переливаются. И лѣсъ шумитъ бодро да радостно, какъ молодой. А солнце такъ и льетъ, и льетъ — на все: и на небо, и на траву, и на деревья. Кругомъ — тишь благодатная. Лишь въ дальнемъ лѣсу, надъ озеромъ птички чирикаютъ... Ну, и проняло же меня тутъ! Понимаешь: стою и *не думаю* — наслаждаюсь. А сердце бьется, бьется... Да... И не вытерпѣлъ я, бросился на землю — цѣлую ее, къ дереву подбѣгу, обнимаю. „Понялъ“, кричу, „понялъ любовь Христову. Въ любви все“... Дошло до меня тогда, что самое великое въ мірѣ — любовь. Увидаль я ее и въ деревьяхъ, и въ травѣ, и въ небѣ, и въ солнцѣ. А мысль то, понимаешь, все поднимается — поднимается. И упалъ я на колѣни: повергаюсь, кричу, повергаюсь я предъ Тобою, Богъ любви... И такой восторгъ мое сердце наполнилъ, что изобразить

теперь нельзя. Сколько прежде мучился, столько теперь блаженствовалъ... Присѣлъ я на корень да и думаю: какъ такого счастья достигъ! И встала тутъ предо мною вся земля. Понимаешь, не смутился я ничуть, что я — маленькій и ничтожный, а думаю о всей землѣ. Земля то мнѣ кажется не чужою, а родною. А люди то на ней представляются мнѣ такими бѣдными — бѣдными. Раздорять между собою, любви Христовой не знаютъ. Жалко мнѣ ихъ стало, заплакалъ я... Да... Потомъ рѣшилъ: пойду къ людямъ, скажу имъ про любовь Христову, обогрѣю ихъ тою любовію. И пошелъ... Ходилъ больше по бѣднымъ селеніямъ: помогалъ людямъ, говорилъ имъ про любовь Христову... И вотъ, милый мой, скажу тебѣ: сколько слезъ пролили люди, когда я говорилъ имъ про любовь! Отъ войны не заплакали бы такъ!..

Тутъ вскорѣ со мною случилось одно событіе и ужъ послѣ него ничего не зналъ я выше любви. Проходилъ я сѣверной стороной. Мѣстность неприглядная, дикая. Лѣса дремучіе, болота, рѣки. Небо хмурое да ненастное, рѣдко—рѣдко солнышко покажется. Былъ въ тѣхъ мѣстахъ осенью. Дожди шли не переставая. Грязь кругомъ невылазная. Разъ— день уже къ вечеру шелъ—пробирался я къ одному селенію. Дорога лежала по лѣсу, деревья стояли насуспенныя да мрачныя: темно было итти. А иду я одинъ-одинешенекъ, съ палкой да котомкою. Вдругъ изъ-за кустовъ выбѣжали ко мнѣ два человекъ, одинъ чѣмъ-то по головѣ меня ударилъ: упалъ я на землю замертво... Очнулся ужъ ночью. Дождикъ

на меня капаетъ, промочилъ всего, ну, значитъ, и освѣжилъ меня. Всталъ я, смотрю: моей котомки нѣтъ. А въ котомкѣ то были хлѣбъ сухой да евангеліе. Пожалѣлъ я: не попользуются *они* много добромъ моимъ! Пошелъ тихонько, опираюсь на посошекъ. Посошекъ то они мнѣ оставили. Прощель немного, усматриваю: два человекъ подъ большой корчей сидятъ, согнувшись, дремлютъ — навѣрно. А около нихъ бѣлѣется моя котомка... И вотъ тутъ подошло ко мнѣ изъ груди, отъ сердца, что-то мягкое, да кроткое, да любовное, слезы выступили на глаза: подошелъ къ нимъ и поцѣловалъ обоихъ. Проснулся одинъ, посмотрѣлъ дико, испуганно, толкнулъ другого да... и не приподнялся. Должно быть на лицѣ у меня было что то особенное. Повалился онъ прямо на землю и кричить: прости, Христа ради!.. Потомъ съ ними съ обоими ушелъ на Аѳонъ. Тамъ они и остались, постриглись въ монахи... И вотъ тутъ понялъ я, что на свѣтѣ ничего нѣтъ сильнѣе любви. И слава, и деньги—все прахъ предъ любовью. Понялъ я, что любовь — сильнѣе всего, сильнѣе знанія. И *увѣривалъ* я тутъ. И всякому теперь говорю: вѣрь и люби!.. Не боюсь и смерти: гдѣ любовь да вѣра—тамъ нѣтъ ужъ смерти!..

Надъ рѣкой стояла ночь—тихая и свѣтлая. Луна серебрила рѣчные всплески и отливала темно-зеленымъ цвѣтомъ на черной громадѣ лѣса. Небо было чистое... Казаки перестали пѣть. Ночная тишина разливалась вокругъ: на пороходѣ, въ заснувшемъ

лѣсу, на серебрившихся даляхъ рѣки, въ необъятномъ пространствѣ подъ небомъ...

— Вотъ теперь ѣду я домой. Хочу провѣдать родныя мѣста... Послѣ *того*—еще не былъ здѣсь. И много, навѣрно, измѣнилось здѣсь. Пожалуй, не узнаешь...

Голосъ странника дрожалъ. Въ немъ было волненіе и боязнь, и страстное желаніе взглянуть на родныя мѣста...

— Вотъ сейчасъ повернемъ за этотъ лѣсокъ—тутъ лугъ долженъ быть. Мальчикомъ еще бѣгалъ по немъ. Бабочекъ ловилъ, цвѣты рвалъ. Хорошо здѣсь было... Теперь темно — не увидимъ.

Пароходъ огибалъ песчаный выступъ, поросшій лѣсомъ. Вдали трещали кузнечики, у самага берега громко квакали лягушки.

— Да... Вспоминаешь теперь прошлое время—ничего то отъ него не осталось. Люди умерли, впечатлѣнія измѣнились, словно не тѣ, что были тогда. А вонъ смотри въ пролѣсокъ—на полугорѣ блеститъ: это церковь въ нашемъ селѣ... И чудно: говорю я это тебѣ, а на душу словно сходитъ прежнее время. Люблю я, милый мой, свое село! И-и, какъ люблю! Въ разлукѣ всегда помнилъ про него. Все представлялось мнѣ, какъ бывало въ дѣтствѣ. Вотъ и теперь... Знаешь, завтра — воскресеніе. Значитъ, сегодня всенощная была... Люблю я всенощную. Стоишь въ церкви, пѣвчіе поютъ вечернія пѣсни, а солнце ярко золотитъ иконы и стѣны. И на душѣ—тихо, тихо... Уйдешь въ себя, а вечеръ надвигается. И вотъ

свѣта дневного ужъ мало. А въ церкви въ это время поють: „Слава въ вышнихъ Богу... Во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ“... Упадешь на колѣни и видишь: гдѣ-то далеко, далеко загорается свѣтъ и въ свѣтъ—Богъ... Да... И вотъ теперь смотрю я на родную церковь и представляю себѣ: была тамъ сегодня всенощная. Пѣли— „Слава въ вышнихъ Богу“... Солнце иконостасъ золотило. Люди стояли умиленные. И священникъ предъ престоломъ—такой вдохновенный и молитвенный... Да... А завтра будетъ ранняя обѣдня. Ударить колоколь, не большой, а средній—такой звонкій да высокій, словно теноръ. И пойдетъ гуль его въ утреннемъ воздухѣ. Служба будетъ въ придѣлѣ: тамъ такъ скромно и такъ всегда хочется молиться...

Пароходъ засвисталъ. Впереди чернѣлась баржа-пристань. На ней горѣлъ огонь и отбрасывалъ на воду желтое пятно. Странникъ, очевидно, волновался: вставалъ, садился и опять вставалъ. Лицо его было такое же кроткое и доброе. Только теперь оно было вдохновенно...

— Прости, милый мой! Разказалъ я тебѣ свою исторію — не осуди!..

Онъ вышелъ на баржу, прошелъ по доскѣ на берегъ и тихо направился по дорогѣ къ селу. Съ колокольни долетѣли звуки колокола: били одиннадцать часовъ. Луна свѣтила ярко. Особенно горѣлъ вдали — высоко, высоко въ воздухѣ — церковный крестъ.

И у Кожина—тихо и непосредственно—явилось

желаніе снять фуражку и перекреститься: казалось нечестнымъ и даже невозможнымъ не сдѣлать этого, когда вдали—по пыльной дорогѣ-неспѣшно шель носитель Христовой любви...

* * *

Все, проходившее мимо него и задѣвавшее его, складывалось въ его душѣ — сознательно или безсознательно, и онъ росъ, какъ дикая яблонка у склона горы—подъ жаромъ вечернихъ и утреннихъ зорь, подъ зноемъ лѣтняго дня, подъ дальніе громы и тихіе дожди. И какъ въ мелкой кудрявой листвѣ яблонки какъ бы осѣдали таинственно и просто — дальніе громы, тихіе дожди, ясныя зори и даже придорожная пыль,—такъ и въ немъ складывались незамѣтно случайныя встрѣчи, долгія думы, неясные порывы... Онъ росъ, и съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе и болѣе у него было силы, и эта сила стояла уже недалеко отъ жизни, надвинувшись на нее, какъ горный могучій потокъ — надъ долиною...

Въ эту пору созрѣванія силъ онъ женился. Первая встрѣча его съ будущей женою произошла случайно. Онъ гостилъ у своего товарища по семинаріи—въ глухомъ селѣ средней Россіи, среди лѣсовъ и болотъ. Однажды, возвращаясь съ охоты, вечеромъ, онъ запутался въ многочисленныхъ лѣсныхъ тропинкахъ и, рѣшивъ, что все равно — вѣрнаго пути ему не найти, пошелъ безъ дороги, вдоль какого-то болота. Надъ лѣсомъ всходила луна. Деревья стояли серебристыя и точно зачарованныя, нѣмыя. Онъ выпачкался въ грязи и намочился о вѣтви,

полная росы. Въ ногахъ чувствовалась усталость. Маленькое изящное ружьецо, подарокъ сестры, рѣзало плечи. Въ одномъ мѣстѣ онъ началъ подниматься на возвышенную лѣсную полянку, всю окруженную бѣлесоватыми березками, когда въ сторонѣ послышались плески и шумъ воды: очевидно, недалеко была мельница. Онъ быстро сбѣжалъ съ горки и торопливо пошелъ по направленію къ невидимой мельницѣ. Лѣсъ скоро порѣдѣлъ и между высокими темными ольхами побѣжала пѣшеходная тропинка. Она привела къ плетню какого-то сада и повилась около него—все ближе и ближе къ шуму и плеску воды... Наконецъ онъ вышелъ на открытое мѣсто; ольхи отошли далеко по сторонамъ, а по срединѣ, по бѣлому песку, побѣжала дорожка. Она переходила по мостику, чрезъ канаву, въ дворъ — большой и неогороженный, и тамъ терялась... По одну сторону мостика шумѣла низенькая черная мельница, полуприкрытая старой вѣтвистой вербой, по другую—по берегу канавки — тянулся ольховый молоднякъ... У канавы, подъ молодыми ольхами, онъ увидѣлъ огонекъ и людей: что-то варили на таганѣ и весело смѣялись. Онъ подошелъ и кашлянулъ. Смѣхъ прекратился.

— Здравствуйте! Скажите пожалуйста, какъ пройти на Липяги?

— На Липяги? — голосъ спрашивающаго мужчины, молодого, въ бѣлой офицерской формѣ, задрожалъ отъ смѣха... — Да вы оттуда шли! И, кажется, далеко ушли уже. Версть десять...

— Запутлялся. Охотился, а тутъ стемнѣло. Въ лѣсу дорожекъ много, ну я и не попалъ на свою...

— А что же у охотника не видно добычи?— спросилъ молодой задорный женскій голосъ изъ тѣни широкаго ольховаго куста.

— Оставь, Валя!—остановилъ его другой, такой же молодой, но съ какими-то необыкновенно мягкими тонами голосъ—изъ другой ольховой тѣни.— Куда вамъ итти теперь въ Липяги!—обратился онъ уже къ несчастному охотнику,—оставайтесь у насъ ночевать... Вы голодны?

— Благодарю васъ... Немного — да!

— И отлично. У насъ сейчасъ галушки будутъ готовы. Вы ѣдите галушки?

— Ёмъ.

— Прекрасно. Располагайтесь, какъ вамъ угодно.

Онъ остался. И потомъ этотъ тихій вечеръ подъ ольхами, у канавы съ песчаными бережками и струистой ключевою водою, всегда былъ въ его памяти—такой благодатный и свѣтлый... Офицеръ былъ хозяинъ мельницы, а двѣ барышни—его сестры. Старшая изъ нихъ—съ кроткими синими глазами, высокимъ открытымъ лбомъ, мягкими тонами рѣчи—стала его невѣстой...

То подъ длинными густыми тѣнями ольхъ и березъ, то на недалекихъ песчаныхъ горахъ, то на зеркальной глади мельничнаго пруда — на лодкѣ—прошло время его жениховства. Здѣсь произошелъ обмѣнъ мыслей и чувствъ и здѣсь образовалось то

сильное и кроткое и святое, съ которымъ они оба вышли потомъ въ жизнь.

Большею частью—вечерами—они уходили въ сосѣднія песчаняя горы. Пески золотились подъ послѣдними солнечными лучами, среди нихъ тихо поднимался кагальникъ, изумрудною зеленью сверкали можжевелъные кусты. Внизу тянулся далеко лѣсъ и невнятно шумѣлъ вершинами. И вдали—Богъ знаетъ гдѣ—на сѣрыхъ каменистыхъ горахъ бѣлѣли зданія какого-то монастыря... Они входили на горы, останавливались на вершинахъ ихъ и смотрѣли на далекій монастырь... Нина крестилась на едва замѣтный острыми дрожащими блестками крестъ монастыря и обыкновенно говорила:

— Когда я была маленькая, мы часто ѣздили туда... Если бъ ты зналъ, какъ тамъ хорошо!

На песчаныхъ горахъ—въ виду далекаго древняго монастыря—они обыкновенно долго говорили о своихъ молодыхъ надеждахъ.

Свадьбу съиграли въ томъ же лѣсу, на той же старой мельницѣ. Когда молодые пріѣхали изъ церкви, былъ вечеръ. Небольшой деревянный домикъ горѣлъ огнями. Около мельничнаго колеса пылалъ костеръ изъ смолистыхъ вѣтокъ можжевелника, и вода, разбиваясь о колесо, разсвѣчивалась многоцвѣтными звѣздочками. Когда молодые подъѣзжали къ крыльцу, старый мельникъ, дѣдъ Севастьянычъ, остановилъ ихъ, посыпалъ ихъ брачныя одежды хмелемъ и сказалъ:

— Тамъ баринъ будетъ еще васъ осыпать, а

это — я... Рости, родимая, себѣ на утѣху и мужу... не забывай нашу мельницу и мельника Севастьяныча!..

Она — ласковая и сіяющая — поцѣловала старика. Тотъ пошелъ, утирая глаза и что-то бормоча ласковое и нѣжное...

Потомъ, черезъ полгода, онъ посвятился и переѣхалъ въ городъ. И прожилъ въ немъ два года, пока не увидѣлъ, что здѣсь нѣтъ нужной шири и свободы для великаго и святого служенія. Тогда онъ оставилъ городъ и его жизнь и поѣхалъ съ женою въ далекій бѣдный хуторъ...

III.

Поѣздъ подошелъ къ станціи, на которой нужно было вставать Кожинымъ, на разсвѣтъ. Только что вышли они на платформу, какъ къ нимъ подошли два старика — крестьянина.

— Вы не новый батюшка на Лебяжій хуторъ? — спросили они.

— Да, на Лебяжій хуторъ.

— Такъ за вами, значитъ, подводы тутъ есть... Двѣ... Отъ общества. Вотъ вы какъ уберетесь и, значитъ, садитесь...

— Спасибо, спасибо... Какъ же васъ звать?

— Меня Иваномъ Северьяновымъ Кузнецовымъ, а его Никитой Васильевымъ Пармоновымъ. Крестьяне мы. На Лебяжемъ хуторѣ проживаемъ...

— Ну, Иванъ Северьянычъ, такъ то: попьемъ мы чайку да и тронемся!

— Хорошо, батюшка! Пейте и поѣдемъ!

Послѣ чая Кожины пошли смотрѣть присланныя за ними подводы. Это были обыкновенныя хуторскія повозки, наполненныя глубоко сѣномъ и покрытыя сверху рогожками.

— Нина, — смотри, какъ хорошо!

— Отлично, Гора... Давно ужъ я на сѣнѣ не ѣздила... А когда жила на мельницѣ, то приходилось часто.

— За сѣномъ ѣздить? — улыбнулся о. Георгій.

— Да. Залѣзешь на самый верхъ арбы и ѣдешь. Вся въ сѣнѣ... И заснешь, бывало...

— Ну, Ниночка, — давай укладываться. Иванъ Северьянычъ! Пожалуйста, помогите намъ вещи уложить!

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ!.. Гдѣ ваши вещи будутъ?

— А пойдемте вмѣстѣ, и я захвачу что-нибудь.

— Пойдемъ, Васильичъ! — пригласилъ Северьянычъ товарища-дѣда Ивана.

Вещи были уложены на одной подводѣ, на другую сѣли батюшка и матушка.

— Ну, трогай, Северьянычъ!

— Пошли-и-и! Съ Господо-омъ! Но! поганья!

И повозки тихо покатались по мягкой высыхающей землѣ...

— Изъ города, слышно, ѣдете? — спросилъ, проѣхавъ станціонный поселокъ, Иванъ Северьянычъ.

— Изъ города, Северьянычъ!

— Почему-жъ, значить, изъ города? Сами, чтоль, не пожелали или ужъ такъ нужно было?

— Самъ. Надоѣлъ городъ...

— Надоѣлъ? Это бываетъ. Къ намъ на лѣто паны приѣзжаютъ, на дачахъ живутъ. Говорятъ: и не приведи Господи лѣтомъ въ городъ быть! А зимой, бытто, хорошо. И на зиму уѣзжаютъ опять въ городъ...

— А вотъ мы къ вамъ навсегда ѣдемъ: и на лѣто, и на зиму!

— Да, такое, конечно, дѣло... А все жъ, я думаю — въ городъ лучше?

— Не знаю, Северьянычъ. Мнѣ лучше на хуторъ...

— Такъ... Нно, милые, нно!.. Ишь подлая: супостатничаютъ! — и Северьянычъ привсталъ и ожесточенно началъ хлестать маленькую постоянно перебирающую ушами пристяжную, немного отставшую...

— А вотъ допрежъ васъ былъ священникъ, такъ все говорилъ—хочу въ городъ! Хоть умереть, да въ городъ. Смерть, говорить, и скука тутъ. И достигъ своего желанія: поѣхалъ въ городъ лѣчиться и — умеръ тамъ.

— А хорошей былъ у васъ тотъ батюшка?

— ...Да какъ вамъ сказать, — замялся Северьянычъ.— Ничего, можно сказать. Выпивалъ только. А то бы добрый былъ. Даже многимъ помогать...

— Долго онъ у васъ былъ?

— Да долго. Приѣхалъ молодой, а померъ старикомъ: ужъ совсѣмъ сѣдой былъ.

— Что жъ, вспоминаютъ у васъ о немъ теперь?

— Вспоминаютъ! У насъ нѣту другого священ-

ника, ну и крестить кому надо иль хоронить — на другой хуторъ ѣзжай! Очень даже часто вспоминали его...

— Нѣтъ, а такъ—что вотъ, молъ, у насъ добрый батюшка. Всегда желалъ міру добра. Жилъ для міра!..

Северьянычъ безпокойно заерзалъ на своемъ сидѣньи.

— Оно, конечно, говорятъ... —краснѣлъ почему то онъ...—Но!.. Нно!.. поганка, опять супостатить,— и опять кнутъ ожесточенно и внимательно стегалъ маленькую пристяжную...

— Нина, тебѣ хорошо сидѣть?

— Прекрасно...

— Ты слышала?

— Да, слышала.

— Жутко мнѣ!

— Ну, что ты, Гора! Успокойся! Богъ дастъ, все будетъ у насъ хорошо,— и она отыскала руку о. Георгія и пожала ее... О. Георгій взялъ въ свои руки маленькую бѣлую ручку жены и поцѣловалъ ее...

— Северьянычъ! А какъ звали покойнаго батюшку?

— О. Никита былъ.

— А что у о. Никиты была матушка?

— Нѣтъ, померла она у него... Въ давнихъ годахъ померла. Одинъ онъ былъ... Во всемъ домѣ, значить, одинъ... Работникъ во хлигелѣ на дворѣ жилъ...

— Бѣдный!—промолвила матушка.

— Да ужъ какой бѣдный! Нашъ братъ, скажемъ, на міру живетъ, все у него есть хотя какое-нибудь развлеченіе. А онъ—въ духовномъ санѣ и—одинъ. Бывало пьяненькій сидитъ на скамеечкѣ въ садикѣ и плачетъ: ушла отъ меня Надя! Остался я... Сильно тосковалъ онъ по покойницѣ!

Дорога—мягкая, почти песчаная—терялась вдаль. О. Георгій молчалъ, погруженный въ свои думы. Матушка смотрѣла въ сторону отъ дороги и было лицо ея ясное и тихое, какъ день. Северьянычъ погонялъ лошадей и тянулъ какую то длинную монотонную пѣсню...

— А вамъ, батюшка, встрѣча будетъ, — вдругъ обернулся онъ къ своимъ сѣдокамъ, — мужики выйдутъ съ хлѣбомъ-солью. Наказывали, чтобъ не передавать, значить, вамъ до срока, да мнѣ сдается лучше передать. Все какое приготовленіе можетъ у васъ будетъ...

— Какая встрѣча, Северьянычъ?

— Встрѣча! Міръ рѣшилъ, значить, учинить вамъ встрѣчу!

— А что жъ это за встрѣча?

— Да встрѣча! Встрѣчатъ васъ будутъ... У гумновъ. Версты полторы отъ хутора. Видите, вонъ плетни идутъ и вербы за ними. То оливады у насъ. А за оливадами сейчасъ гумны. Тамъ и хуторъ недалеко... За вербами не видно церкви. Невысокая она у насъ: широкая и приземистая!..

— Такъ!..

И надъ повозкой опять стояло молчаніе... А

степь, блестя, уходила по сторонамъ — просторная, свѣтлая, весенняя... Маленькіе бугорки горѣли яркою весеннею зеленью. Порою мелькали золотистыя пятна — первые степные цвѣты. Дуль вѣтерокъ, и въ немъ была ласка наступавшей весны. Подъ тряску ѣзды дремалось. Но о. Георгій не спалъ и думалъ о томъ, какъ произойдетъ у него первая встрѣча съ прихожанами...

— Подъѣзжаемъ, батюшка! Ужъ близко гумны. За вербами направо смотрите, — и Северьянычъ тыкалъ кнутомъ туда, гдѣ были гумны.

Повозки повернули вдоль старыхъ плетней, за которыми стояли высокія развѣсистыя вербы — всѣ въ легкомъ желтоватомъ пуху. Подъ ними коврами стлались зеленыя весеннія лужайки. Въ одномъ мѣстѣ набѣжала на зелень лужайки чистая, какъ слеза, вода и стояла тамъ, какъ роскошная прозрачная лазурь, отражая въ себѣ задумчивыя весеннія барашки — облака.

Когда проѣхали плетни и высокія вербы за ними, — открылось большое пространство, желтое отъ ковыля и прошлогодняго сѣна. Потянулись гумны... На самомъ концѣ ихъ стояла хатка, покачнувшаяся на бокъ, темная, какъ осенній дождь, дырявая. Около нея толпились люди. Они заволновались при появленіи двухъ повозокъ, вынырнувшихъ изъ подъ вербъ, потомъ какъ то сразу столпились и направились къ подводамъ.

О. Георгій съ матушкой вышли изъ повозки и пошли впередъ...

— Гора, не волнуйся, пожалуйста! — просила матушка.

— Я не волнуюсь, — отвѣтилъ поблѣднѣвшій о. Георгій.

Толпа сошлась съ батюшкой скоро. Не доходя до мѣста встрѣчи, она подалась немного назадъ и выдвинула на передъ трехъ стариковъ. Двое несли на длинномъ деревянномъ подносѣ хлѣбъ - соль, третій — икону.

— Здравствуйте, братцы! — поздоровался съ подошедшими о. Георгій.

— Здравствуйте, батюшка! Здравствуйте, матушка! — зашумѣли всѣ сразу и вдругъ, будто опомнившись, смолкли. А старый длинноусый дѣдъ, несшій икону, приосанился и сказалъ:

— Міромъ рѣшили мы встрѣтить тебя, батюшка, и хлѣбъ - соль съ иконою поднести. Будь у насъ милостивцемъ-батюшкою. На томъ мѣрѣ тебѣ челомъ бьетъ!

И онъ поклонился низко-низко и поднесъ о. Георгію икону. О. Георгій взялъ въ руки икону и поцѣловалъ ее. И, не отпуская ее изъ рукъ, отвѣтилъ:

— Изъ города иду я къ вамъ. Иду, чтобы служить вамъ по истинѣ... Что будетъ впереди — не знаю. Но горитъ мое сердце къ вамъ любовью... Труденъ путь мой. Но — воля Бога на это!.. Надѣюсь, вы поможете мнѣ въ моемъ дѣлѣ пастыря и священника!

И „міръ“ склонилъ голову. Онъ слышалъ что-то загадочное и общающее въ этихъ словахъ... И въ

молчаньи, и въ раздумьи пошли они всѣ впередъ: батюшка съ иконою въ рукахъ, за нимъ—два старца, несшіе хлѣбъ-соль и недоумѣвающіе — почему эти „хлѣбъ-соль“ не взяты у нихъ, потомъ матушка и народъ. А сзади всѣхъ громыхаль на своей повозкѣ Северьянычъ. Кучка любопытныхъ собралась около него и онъ рассказывалъ ей, что батюшка—добрый, а матушка — молчитъ, но сильно разумная..

И такъ, въ молчаньи, вошли они въ село и подошли къ низенькой деревянной церкви. У самага входа ея опустилась мохнатая вѣтка древняго вяза и—старая — зеленѣла новыми весенними листиками. Около крыши — задорно и весело—чирикали птички...

О. Георгій вошелъ по темнымъ шатающимся ступенькамъ въ церковь. Она была совсѣмъ маленькая и, оттого, смотрѣла уютно. Святые на стѣнахъ были нарисованы съ добрыми, кроткими лицами, въ воздухѣ пахло ладаномъ и полевыми цвѣтами.

О. Георгій вошелъ въ алтарь и благоговѣнно склонился предъ престоломъ. Престоль былъ тоже маленькій и простая утварь стояла на немъ—скромно и свято. Какъ разъ противъ престола находилось длинное и узкое окно, и сквозь него смотрѣлись желтыя гумна, пушистыя вербы, весенняя распускающаяся степь. Въ алтарѣ былъ старичекъ сторожъ. Онъ подошелъ къ о. Георгію подъ благословеніе и спросилъ у него: нужно ли достать ризы? О. Георгій отвѣтилъ, что нужно, и старичекъ - сторожъ отворилъ дверцу шкафа, стоявшаго въ углу, и вынулъ оттуда синія шелковыя полинявшія ризы.

О. Георгій надѣлъ ихъ, всѣ пропитанныя ладаномъ, и, оправляясь, сталъ предъ престоломъ. А въ церкви народъ въ ожиданіи откашливался и тихо волновался.

Таинственно прошуршала завѣса, падая въ сторону, и царскія врата открылъ новый батюшка. Крестьяне закрестились...

Батюшка вышелъ на средину церкви, полной народа, и — блѣдный и сосредоточенный — благоговѣнно возгласилъ:

— Благословенъ Богъ нашъ... всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!..

— Аминь! — дрожа, пропѣлъ старческой голосъ на клиросѣ. Начался молебенъ.

Послѣ молебна о. Георгій не говорилъ привѣтственнаго слова. Крестьяне, выходя изъ церкви, недоумѣвали, почему сегодняшняя „встрѣча“ прошла такъ странно... Старики вспоминали, какъ когда то точно такъ же они встрѣчали покойнаго о. Никиту и тотъ былъ веселъ и все время, пока шли къ селу, спрашивалъ ихъ про хуторскія дѣла...

Они не знали, что пережилъ о. Георгій за это время — отъ мѣста встрѣчи до церкви. Только онъ одинъ, страдая, понималъ, да чуткимъ женскимъ сердцемъ чувствовала его жена, что онъ настраивается на иной новый ладъ. Что то перестраивалось въ немъ изъ того, что не было еще перестроено, и новыя струны натягивались у него въ душѣ одна за другою и крѣпли. И уже чудилась на нихъ иная пѣснь — пѣснь любви и подвига, когда придетъ пора и ударить по нимъ ожесточенно и звонко...

IV.

Домикъ, въ которомъ поселился новый батюшка, былъ общественный. Онъ стоялъ на маленькой площади—около церкви и весь заросъ деревьями. Мѣсто было низменное и вода находилась недалеко: въ дворѣ батюшкина домика зеленѣло болотце и росли камыши. Кругомъ нависли сѣдыя мохнатыя ветлы. Но народъ говорилъ, что почва на маленькой площади была „ржавая“. И, дѣйствительно, въ батюшкиномъ дворѣ не было старыхъ деревьевъ: какъ только подрастало дерево и начинало вѣтвями своими выглядывать за дворъ—на маленькую площадь, съ ней вдругъ начиналась перемѣна, — оно желтѣло и сохло, блѣдные листья свертывались въ трубочку и скоро все дерево стояло твердое и сухое, какъ трупъ.

Комнаты въ домѣ были высокія и большія. Отъ наклонившихся къ окнамъ вѣтвей въ нихъ всегда стояли узорчатыя тѣни. Матушка—опытною, умѣлою рукою—быстро размѣстила по длиннымъ высокимъ комнатамъ привезенную мебель. И уже на другой день, послѣ пріѣзда, о. Георгій сидѣлъ съ женой почти въ той же милой и уютной обстановкѣ, которую они оставили далеко-далеко, въ городѣ...

Матушка замѣтила, что въ характерѣ о. Георгія за это время произошла перемѣна; онъ сдѣлался замкнутѣе. Уже не слышно было отъ него рѣчей о *жуткости*. И она радовалась этому...

Пока въ жизни крестьянъ, съ пріѣздомъ о. Георгія, не произошло ничего новаго. Крестьяне гово-

рили, что новый батюшка — добрый. И какъ неопровержимое доказательство доброты его приводили рассказы о томъ, какъ онъ приглашалъ мужиковъ къ себѣ въ кабинетъ, спрашивалъ ихъ о жизни хутора и — угощалъ чаемъ. При этомъ обыкновенно присутствовала матушка: она брала у крестьянина пустой стаканъ и наливала чаю, и, положивъ въ него сахару, сама размѣшивала его. И была она при этомъ такая простая и добрая, какъ ангель. Нѣкоторые, уходя отъ батюшки, дорогою умилялись до слезъ этою добротою и этою внимательностью. И придя въ свои низкія бѣлыя хатки, рассказывали, что батюшка — добрый, а матушка — суцій ангель во плоти...

А на дворѣ стояли свѣтлые весенніе дни. Они спускались на землю рано утромъ, и, полные свѣта и ласки, сгоняли легкую изморозь, насѣвшую ночью на крышахъ, и грѣли холодную землю, глубоко простывшую отъ морозовъ. Земля мякла и теплѣла, и тихо пробивались сквозь нея зеленые молодые ростки... А дни приходили все ярче и теплѣе и все дольше оставались на землѣ. Какъ въ чудесной сказкѣ, выросли ночами въ степи бѣлые пышные цвѣты, одѣвались зеленою одеждою вербы и сильно набухали почки на вишняхъ.

Шла шестая недѣля Великаго поста. Утромъ и вечеромъ по хутору разстилались томно и вяло длинные колеблющіеся звоны... Было много говѣющихъ: въ Великомъ посту на хуторѣ не было священника и никто изъ крестьянъ не говѣлъ. О. Георгій слу-

жилъ „по старинному“: рано утромъ начиналъ службу, вычитывалъ всѣ длинныя кафизмы и самъ читалъ канонъ. Въ среду и пятницу онъ говорилъ слово—о Богѣ, Безконечной Любви. Онъ видѣлъ, что крестьяне знаютъ Бога, внимательнаго къ человѣческимъ грѣхамъ и чуткаго ко всякой жертвѣ—трудовой копѣйкой или тоненькой желтой свѣчкой, но не знаютъ Бога, воплощеніе чистой и святой любви, пришедшаго когда то на бѣдную маленькую землю пострадать за людей. И онъ говорилъ:

— Богъ по Своей великой любви создалъ человѣка... Онъ сотворилъ дневной свѣтъ, распростеръ надъ землею прозрачное голубое небо, собралъ воды въ глубокихъ моряхъ и покрылъ землю деревьями и травою, засвѣтилъ на небѣ солнце, луну и звѣзды, населилъ землю животными и—создалъ человѣка, какъ вѣнецъ творенія, чтобы онъ понялъ и насладился счастьемъ сотворенной міровой жизни... Мало этого: спустя нѣкоторое время Богъ даетъ человѣку первую заповѣдь, чтобы, чрезъ исполненіе ея, онъ позналъ сладость нравственнаго совершенства... Но пришелъ діаволь и соблазнилъ человѣка. Человѣкъ долженъ былъ покинуть мѣсто, гдѣ съ особенною силою проявлялась жизнь природы, гдѣ человѣкъ былъ близокъ къ своему счастью—Богу. Этого требовало не только великое Божіе правосудіе, но и благо человѣка... Но Божья любовь была съ человѣкомъ и послѣ его паденія. Богъ часто являлся человѣку и говорилъ ему, что онъ долженъ былъ дѣлать для достиженія потеряннаго счастья. Онъ посылалъ великихъ мужей,

исполненныхъ Святаго Духа, и они отвращали чело-
вѣка отъ зла и направляли къ добру. Наконецъ, Онъ
послалъ въ міръ Своего Сына, чтобы навсегда уничто-
жить грѣхъ у людей. И Божій Сынъ, придя на землю,
повѣдалъ о такой великой любви Бога къ чело-
вѣку. Повѣдалъ, что Богъ такъ любитъ міръ, что не ща-
дитъ ради него Своего Сына, что только ту любовь
къ Себѣ признаетъ Онъ со стороны людей, которая
неразрывно соединена съ любовью къ людямъ...

Онъ говорилъ такъ, и въ церкви было тихо.
Крестьяне слушали слова добраго батюшки и отъ
нихъ имъ было хорошо. Кроткими, простодушными
очами они поднимались вверхъ—къ самому Престолу
Великаго Бога и наивно и довѣрчиво, какъ дѣти,
смотрѣли на Него. И оттого радость спускалась въ
ихъ непривыкшее къ ласкѣ сердце, и стояли они—
растроганные и умиленные...

Батюшка скоро узналъ всѣхъ своихъ прихожанъ.
Они были всѣ похожи одинъ на другого. Въ каби-
нетѣ ли за чаемъ, или при выходѣ изъ церкви, или
въ случайныхъ встрѣчахъ на кривыхъ улицахъ хутора,
всегда предъ нимъ стоялъ одинъ и тотъ же чело-
вѣкъ: измученный заботою о кускѣ хлѣба, никогда
не мечтавшій подняться вверхъ и окинуть единымъ
окомъ все окружающее, приходившій смиренно въ
церковь, какъ въ домъ Бога, о Которомъ онъ слы-
шалъ всю свою жизнь и Котораго никогда не пред-
ставлялъ себѣ ясно и сознательно.

Только одинъ необычный прихожанинъ оказался
у о. Георгія.

На той же площади, гдѣ былъ домикъ о. Георгія, на противоположной сторонѣ ея, стоялъ старый большой домъ. По виду, онъ напоминалъ городскія строенія: былъ крытъ желѣзомъ, обнесенъ высокимъ фигурчатымъ заборомъ и выходилъ на улицу широкой стеклянной верандой. Около него никогда не было видно движенія, только ночью, въ крайнемъ окнѣ, мелькалъ свѣтъ, прикрытый зеленымъ абажуромъ. Крестьяне говорили, что въ домѣ живетъ „профессоръ“... Говорили, что онъ давно пріѣхалъ откуда то издалека, купилъ у общества мѣсто и выстроилъ домъ. Онъ былъ странный: никогда не говорилъ съ крестьянами и, какъ будто, даже избѣгалъ ихъ. Иногда его видѣли уходящимъ съ ружьемъ и собакой въ степь. Иногда онъ стоялъ на своей верандѣ, прислонившись лбомъ къ стеклу, и обычно былъ блѣдный. У него не было прислуги: за провизіей онъ самъ ѣздилъ на станцію, а въ его отсутствіе домъ сторожила огромная желтая цѣпная собака.

О. Георгій какъ то возвращался домой вечеромъ — отъ тяжело больного крестьянина. У „профессорскаго“ дома онъ встрѣтилъ самого „профессора“: тотъ былъ въ длинномъ пальто, въ широкой шляпѣ. У него была маленькая сѣдая борода и длинные усы. Глаза смотрѣли неясно, будто что то вспоминая. О. Георгій снялъ шляпу и поклонился. Профессоръ отвѣтилъ: здравствуйте! — и торопливо скрылся въ калитку. Черезъ недѣлю послѣ этого, о. Георгій гулялъ въ степи съ матушкою. Когда они подходили къ памятнымъ имъ гумнамъ, изъ-за вербъ вдругъ по-

казался профессоръ — съ ружьемъ и собакой. Увидѣвъ гуляющихъ, онъ остановился въ нерѣшительности. Потомъ медленно пошелъ по дорогѣ — навстрѣчу о. Георгію и матушкѣ. Они встрѣтились и поклонились другъ другу и уже готовы были разойтись, когда матушка вдругъ спросила:

— Удачно охотились?

Профессоръ остановился и, будто конфузясь, отвѣтилъ, что онъ только любитъ бродить по степи, а ружье и собаку беретъ съ собою „такъ — для приправы“. И, приподнявъ шляпу, онъ вѣжливо попрощался и пошелъ по дорогѣ. Когда о. Георгій съ матушкою отошли далеко, матушка сказала:

— Бѣдный человѣкъ!..

— Почему ты думаешь?

— Мнѣ такъ кажется, — отвѣтила она...

Только этотъ „профессоръ“ выдѣлялся изъ ряда прихожанъ о. Георгія...

Между тѣмъ подошла Страстная недѣля. Пасха была поздняя, и на Вербной всеобщей вербочки были красныя, съ крупными пушистыми барашками. Каждый день открывалъ что-либо новое въ взопрѣвшей землѣ: давно отцвѣли подснежники, распустились сирени и акаціи и зацвѣли крыжовники.

Весь въ синей весенней лазури прошелъ день великаго Четверга и пала на воскресавшую землю вечерняя мгла. Хуторская церковь горѣла огнями: шло „стояніе“. О. Георгій стоялъ на срединѣ церкви и тихо читалъ прощальную рѣчь Спасителя. Въ церкви былъ полумракъ, неясно вырисовывались изъ тьмы

кроткіе лики святыхъ. Крестьяне стояли тѣсною толпою и смотрѣли, какъ въ ихъ рукахъ таяли желтыя восковыя свѣчки. До уха ихъ доходила кроткая рѣчь о безъисходной любви и о недалекихъ страданіяхъ, и ихъ сердца незамѣтно таяли въ глубокомъ умиленіи, какъ маленькія желтенькія свѣчки...

— ...Послѣ сихъ словъ Иисусъ возвелъ очи Свои на небо и сказалъ: Отче! пришелъ часъ: прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя... Я открылъ имя Твое челоуѣкамъ, которыхъ Ты далъ мнѣ отъ міра; они были Твои, и Ты далъ ихъ мнѣ, и они сохранили слово Твое... Отче Праведный! И міръ Тебя не позналъ, а Я позналъ Тебя, и сіи познали, что Ты послалъ Меня... И Я открылъ имъ имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ... (Іоан. XVII гл.).

Крестьяне, уходя изъ церкви, бережно уносили крошечныя горящія свѣчки: въ этомъ маленькомъ огонькѣ какъ будто еще страдала безъисходная плачущая любовь...

Пришла пятница. И пополудни умеръ Христосъ. Въ черной ризѣ, тихо, безъ словъ, вынесъ святую плащаницу о. Георгій на средину церкви и склонился предъ нею—въ любви и тоскѣ. И крестьяне прозрѣвали, что Христосъ, дѣйствительно, умеръ и тоже склонялись предъ Нимъ въ любви и благодарности...

А на зарѣ великой Субботы колокола плакали, поднимаясь вверхъ своими тонкими пѣвучими головами и вдругъ падая внизъ и звонко и печально сокрушаясь въ своемъ паденіи, хоронили Христа. Цер-

ковъ стояла такая маленькая и бѣдная, и кругомъ нея обносили Того, Кто былъ ея Господомъ, и—плакали колокола. И старый дьячекъ одиноко поднимался дрожащимъ голосомъ вверхъ, къ Крѣпкому и Безсмертному Богу, и просилъ, тоскующій:

— ...Помилуй насъ!..

О. Георгій шелъ подъ плащаницею грустный и взволнованный. За плащаницею тревожно толпился народъ съ мерцающими свѣчками. Въ сторонѣ громко плакало дитя. И огнисто горѣла молодая весенняя заря...

— А, вѣдь, профессоръ то въ церкви былъ!— удивлялся, идя по улицѣ отъ утрени, старый Северьянычъ.

— И то былъ!— подтверждалъ его компаньонъ Никита Васильевичъ Парамоновъ. — Жена говорила мнѣ, будто и на стояніе приходилъ онъ, въ паперти стоялъ... Да я, грѣшникъ, не повѣрилъ. Думалъ: брешутъ бабы!..

— Чудно!— опять удивлялся Северьянычъ.

Р. Кумовъ.

(Продолженіе будетъ).

Извѣстія и замѣтки.

О развитіи живой проповѣди. Служители Церкви должны глашаты „глаголы Живота Вѣчнаго благовременнѣ и безвременнѣ“, должны такъ пасти свое стадо, чтобы овцы слушались ихъ голоса и шли за ними.

Абсолютная истина Христова, возглашаемая пастырями Церкви, должна быть путеводным маякомъ для блуждающихъ въ современномъ бурномъ морѣ житейскомъ. Но гдѣ же глашатаи истины? Мало слышимъ о нихъ. Говорятъ наши пастыри, иногда и много говорятъ, однако мало вліянія оказываютъ они на слушателей, проповѣдь ихъ въ большинствѣ случаевъ оказывается „не дѣйственной“.

Въ духовныхъ журналахъ не разъ указывалось на это обстоятельство, при чемъ предлагались и цѣлые проекты развитія живой проповѣди. (См. Тамб. Еп. Вѣд., Грод. Е. 1906. № 33, 34).

Но всѣ подобные проекты же достигали и не достигнуть своей цѣли по той простой причинѣ, что начинали дѣло, какъ говорятъ, не съ того конца.—О чемъ, что и какъ проповѣдывать,—это большинству извѣстно; о томъ же, каковъ долженъ быть типъ проповѣдника, его внутреннее „я“, этому не удѣляютъ почти никакого вниманія. Если проповѣдникъ имѣетъ ясное и опредѣленное міросозерцаніе, если онъ самъ глубоко убѣжденъ въ истинности того, что проповѣдуетъ,—только въ этомъ случаѣ слово его звучитъ убѣдительно и властно. Но пріобрѣсти эти качества не легко: сколько надо выстрадать, сколько поработать надъ собой, какое нужно самоуглубленіе и самопознаніе, чтобы достигнуть желаннаго результата, — познавъ истину, глаголомъ ея жечь сердца людей. Въ одномъ духовномъ журналѣ (Грод. Еп. Вѣд. № 33, 34, 1906 г.) вполне основательно и ясно замѣчено, что „дѣло проповѣдника, его типъ, тайна его вліянія на слушателей обусловливаются весьма многими индивидуальными свойствами противника, есть тайна его души, и передать ее и привить другому весьма трудно, если совсѣмъ не возможно“ (стр. 908).

Въ собственномъ духовномъ опытѣ и въ знаніи окружающей среды, помимо всякихъ талантовъ и гоми-

летическихъ теорій, кроется обаяніе и плодотворность пастырской проповѣди.

Голосъ прозрѣвшаго социалиста. Это — голосъ извѣстнаго русскаго эмигранта Герцена. Въ молодости онъ защищалъ кровавую борьбу социалистовъ съ правительствомъ во имя „освободительныхъ“ идей и дѣятельно агитировалъ въ пользу революціи среди заграничныхъ и русскихъ своихъ единомышленниковъ. Когда въ 1871 году въ С.-Антуанскомъ предмѣстьи Парижа лилась ручьемъ кровь разстрѣливаемыхъ рабочихъ, Герценъ убѣжденно писалъ: „что выйдетъ изъ этой крови?—Кто знаетъ. Но что бы ни вышло, довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣшенства, мести, раздора, возмездія погибнетъ міръ, тѣснящій новаго человѣка“. Проходитъ послѣ этого 20 лѣтъ, и вотъ на краю могилы въ „*Письмахъ къ старому товарищу*“, Герценъ высказываетъ уже протестъ противъ насильственнаго разрушенія. Кровавый общественной переворотъ Герценъ находитъ безцѣльнымъ; онъ боится за науку, за созданія искусства; онъ опасается, чтобы въ необузданномъ взрывѣ, вмѣстѣ съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, не погибъ другой капиталъ, идущій отъ поколѣнія въ поколѣніе и отъ народа къ народу. Герценъ рѣшительно отрицаетъ мысль, что путемъ насилій можно создать лучшее будущее. „Дерево срубить можно, говоритъ онъ, но корни останутся, и изъ нихъ вырастетъ то же дерево и тѣ же плоды. Людей нельзя освободить больше, чѣмъ они свободны внутри. Современный міръ держится неразуміемъ и невѣжествомъ, а отъ предрасудковъ нельзя вылѣчить ни огнемъ, ни желѣзомъ. Апостолы новаго строя должны имѣть одно средство — мысль. Поэтому у прозрѣвшаго сейчасъ можетъ быть только два дѣла: внутренно освободить самого себя и проповѣдью освободить другихъ. Когда бы люди захотѣли вмѣсто того, чтобы спастись другихъ,

спасать себя, вмѣсто того, чтобы освободить человечество, себя освободить, какъ много они сдѣлали бы для спасенія міра и для освобожденія человѣка! Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и соглашеніямъ. Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неустанная, ежеминутная; проповѣдь, равно обращенная къ работнику и хозяину, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде саперовъ разрушенія, — апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и противникамъ“. („Рук. для сельск. пастырей“). (Грод. Еп. Вѣд. № 33 — 34, 1906 г.).

Еъ вопросу объ оживленіи епархіальной печати.

Духовная цензура періодическихъ изданій вмѣстѣ съ общею предварительною отмѣнена Высочайшимъ указомъ Правит. Сенату отъ 24 ноября 1905 года. Такимъ же указомъ отъ 26 апрѣля сего года повелѣно отмѣнить общую и духовную предварительную цензуру и неповременныхъ изданій.

Итакъ отнынѣ вся духовная печать свободна отъ цензуры ¹⁾. — Появилось много новыхъ духовныхъ изданій, старыя обновились, ожили, заговорили инымъ, понятнымъ для живыхъ людей языкомъ. Даже нашъ офиціозъ — Церковныя Вѣдомости стало возможно читать съ интересомъ.

Къ сожалѣнію этого нельзя еще сказать про многіе епархіальные органы печати. Можетъ быть здѣсь все еще дѣйствуетъ привычка къ „рабьему языку“ и прочно усвоенное стремленіе показать, что у насъ все обстоитъ благополучно, а можетъ быть иныя изданія фактически еще подлежатъ вопреки закону негласной цензурѣ начальства, а на нѣкоторыхъ даже доселѣ ставится отмѣтка „дозволено цензурой“. Административный про-

¹⁾ Весьма условно. См. № 34 Церк. Вѣд. Ред.

изволь не такъ-то легко подчиняется ограниченіямъ, хотя бы они исходили и отъ Высочайшей власти.

Епархіальныя Вѣдомости въ ихъ неофициальной части попрежнему содержатъ въ себѣ описанія всяческихъ торжествъ, празднествъ, освященій, юбилеевъ; попрежнему изобилуютъ панегириками въ честь архипастырей, пастырей и наиболѣе щедрыхъ и усердныхъ къ приходскому храму старостъ. Если считать періодическую печать отраженіемъ дѣйствительности, то невольно умилишься душой—вотъ гдѣ все обстоитъ благополучно при всемѣстномъ нестроеніи; вотъ гдѣ процвѣтаютъ тишь и гладь и Божья благодать; вотъ гдѣ братолюбіе, миръ и любовь царятъ во взаимныхъ отношеніяхъ!..

Увы, хорошо извѣстно всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ духовенству, что въ данномъ случаѣ періодическая печать отражаетъ лишь одну сторону жизни, да и ту рисуетъ неумѣренно выпуклыми чертами. Въ дѣйствительности и въ жизни духовенства, и въ его отношеніяхъ къ пасомымъ и между собою, и въ личныхъ качествахъ иныхъ пастырей не мало непригляднаго, не симпатичнаго. Только эти свѣдѣнія объ изнанкѣ жизни духовенства вы почерпнете не изъ Епарх. Вѣдомостей, а или изъ личныхъ наблюденій, или изъ бесѣдъ съ наиболѣе откровенными отцами благочинными, слѣдователями и членами консисторіи, или наконецъ изъ дѣлопроизводства слѣдственнаго стола. Отрицательныя стороны жизни духовенства въ духовную печать почти не попадаютъ, развѣ за послѣднее время, какъ наприм. статья „Революція въ Херсонской епархіи“ (№ 20 Цер. Вѣстника), и то въ очень ограниченномъ количествѣ.

Что это—стремленіе ли не выносить сору изъ избы ради поддержанія авторитета пастырей церкви, или намѣренное закрываніе глазъ на факты дѣйствительной жизни? Послѣднее принижаетъ достоинство духовной

печати, первое не достигаетъ цѣли. Гнойные нарывы слѣдуетъ вскрывать, а не загонять болѣзнь внутрь организма, отравляя кровь во всемя тѣлѣ, что неизбѣжно при замалчиваньи. Немало прятали мы свои недуги отъ людей и свѣта, но это укрывательство привело лишь къ тому, что сейчасъ стоимъ съ разведенными руками и не знаемъ, что дѣлать, какъ быть дальше, когда у насъ настолько упала церковная жизнь.

Нѣтъ, не замалчивать намъ надо свои недостатки, а выводить ихъ на свѣтъ Божій, на судъ собратьевъ и сопастырей. И выводить намъ самимъ, не дожидаясь когда объ этомъ позаботятся другіе, когда въ искаженномъ, намѣренно преувеличенномъ видѣ распишетъ наши немощи свѣтская печать, въ водѣ хотя бы „Сѣв. Края“ и другихъ, заступившихъ его мѣсто изданій. Распишетъ не съ цѣлью врачеванія, а ради глумленья и издѣвательства.

Нѣтъ, пусть наша мѣстная духовная печать фотографически вѣрно отображаетъ церковную жизнь епархіи, не прикрашивая, не преувеличивая достоинствъ, но и не замалчивая недостатковъ. Этимъ мы приглашаемъ не къ сплетничеству, не къ обливанью другъ друга помоями, не къ самооплеванию, а единственно къ правдѣ, къ всесторонне правдивому изображенію жизни со всемя накопившимися въ ней залежами добра и зла. Послѣднее предлагаемъ выяснять только ради тѣхъ благихъ результатовъ, какіе могутъ отсюда послѣдовать. Съ извѣстнымъ врагомъ легче бороться, чѣмъ съ неизвѣстнымъ. Побѣда будетъ вѣрнѣе.

Наши епархіальные органы существуютъ прежде всего для насъ самихъ, для своей епархіи, рассчитаны преимущественно на читателей изъ мѣстнаго духовенства, гдѣ чуть не всѣ знаютъ другъ друга. Тѣмъ легче опровергнуть лживое сообщеніе. Затѣмъ авторы всякаго рода корреспонденцій и постоянные сотрудники боль-

шею частью лично извѣстны редакціи. И это уже является нѣкоторой гарантіей правдивости сообщеній. Въ случаѣ же допущенія какой-либо ошибки, неточности, передержки въ сообщеніяхъ страницы епархіальнаго органа конечно охотно будутъ открыты для исправленій и опроверженій, чего наприм. не дѣлаютъ „Сѣв. Край“ и его преемники-газеты, на каждомъ шагу расходящіяся съ истиной и упорно отказывающія въ ея восстановленіи заинтересованнымъ лицамъ и учрежденіямъ, особенно если посылаемые имъ опроверженія не согласуются съ принятыми этими газетами тенденціями.

А несомнѣнно существованіе безпристрастнаго епархіальнаго органа принесло бы громадную пользу и церкви, и обществу. Гласность достаточно могучее средство, чтобы заставить призадуматься всякаго предъ совершеніемъ дѣйствій, несогласныхъ съ закономъ и совѣстью. Многія бы болѣзни были уврачеваны, многіе промахи были бы предупреждены, серьезныя препятствія представились бы необузданному произволу высшихъ и низшихъ дѣятелей церкви (Яр. Еп. Вѣд. № 37 10 сент. 1906 г.).

Редакторъ Священникъ *П. А. Миртовъ*.

Разрѣшено Протоіереемъ Философомъ Орнатскимъ.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.